

Священник Александр Дьяченко

ТЕЛЕФОН ДОВЕРИЯ

*и другие
рассказы*

Александр Дьяченко
«Телефон доверия»
и другие рассказы
Серия «Зеленая серия надежды»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65357276

«Телефон доверия» и другие рассказы / Дьяченко, Александр, священник.: Издательство Сретенского монастыря; Москва; 2021

ISBN 978-5-7533-1672-1

Аннотация

Священник Александр Дьяченко – настоятель храма в честь Тихвинской иконы Божией Матери в с. Иваново Владимирской области. Родился в 1960 году Москве в семье военного, но родиной своей считает Белоруссию, где прошли детство и юность. Окончил Православный Свято-Тихоновский институт. Бакалавр теологии. Активно занимается миссионерской и просветительской работой. Автор книг «Плачущий ангел», «В круге света» и «Схолии». Главной своей писательской задачей считает привести человека в храм.

Судьба сводила отца Александра с разными людьми, их жизненные истории послужили основой для рассказов. Но и в жизни самого автора было немало неожиданных сюжетов...

Содержание

За мир во всем мире	6
Пророчество игумена Нафанаила	20
«Свободу Анджеле Дэвис!»	39
Ностальгия	52
Танец	64
Контакт	70
За чертой	80
Дедушка	85
Мир, где оживают мечты	92
«Не клонись-ка ты, головушка...»	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Священник Александр Дьяченко «Телефон доверия» и другие рассказы

© А. Дьяченко, свящ., 2021

© Сретенский монастырь, 2021

За мир во всем мире

Отец Павел, мой старый учитель и духовник, принадлежал к числу тех боголюбцев, что в послевоенные годы сошли в лавру преподобного Сергия Радонежского. Батюшка был принят в число братии в самом начале пятидесятых, а подвизался с монахами, принявшими постриг еще до революции.

Человек по природе немногословный, внешне казавшийся суровым, отец архимандрит совершенно менялся, когда начинал рассказывать о том времени. Корю себя: почему я

ничего не записал? Конечно, многое забылось, но кое-что я все-таки помню.

– Среди братии подвизались у нас и очень старые монахи, – вспоминал отец Павел. – Хотя, наверное, правильное будет сказать не старые, а духовно опытные. Подвижники, вошедшие в высокую меру, отличаются от остальных. Человеку, с ними не знакомому, они могут показаться даже какими-то странными. Обычные нормальные люди так себя не ведут.

Например, был у нас отец Мефодий, большой любитель и знаток «Добротолюбия», с этой книгой он практически никогда не расставался. Куда ни направляется, книга у него всегда под мышкой. Чуть выдалась свободная минутка, глядишь, он уже книжку свою листает. Попросишь его почитать из наставлений древних подвижников, а он радуется, что кому-то это интересно, и готов рассказывать часами.

Прознали про нашего отца Мефодия семинаристы. Периодически им давали задания – исследовать писания авторов «Добротолюбия». Чтобы такую курсовую написать, всю книгу перевернуть придется, а студенты – они и в семинарии студенты. Кто-то им посоветовал обратиться к нашему батюшке Мефодию. Тот счастлив, люди хотят знать о практике монашеского делания. Все свободное время отец Мефодий щедро делился своими знаниями с молодыми людьми, давал им ссылки, подсовывал авторов. Так все задания за них и переделал. Один хитрец напишет, потом другому по эстафете

батюшку передает, а тот как ребенок.

Узнал об этом наместник. Вызвал отца Мефодия и строго-настрого запретил тому общаться со студентами. Те хоть и прослышали о запрете, а все продолжали умолять батюшку о помощи. Куда тому деваться, вот и посмел ослушаться грозного отца архимандрита.

Но, как говорится, Бог шельму метит. Возвращаясь из студенческого общежития в келью, отец-ослушник со своей книгой лоб в лоб столкнулся с начальником. Попался – и сразу бух тому в ноги: «Прости, батюшка, нарушил я твой запрет». Отец наместник распалился не на шутку, не удержался и назвал нарушителя гадом. Ах, мол, гад ты этакий! Но простил.

В тот же вечер встречаю отца Мефодия, спешащего в храм на службу. Обращаюсь к нему, как обычно, по имени. А тот мне в ответ: «Простите, батюшка, только с сегодняшнего дня мое имя отец Гад, это меня так отец наместник переименовал, наверное, в честь ветхозаветного пророка Гада».

Это какая же простота!

В монастырском корпусе недалеко от моей кельи располагалась келья архимандрита Симеона. В лавру он поступил еще ребенком, в самом начале века. Его отец, овдовев, решил уйти в монастырь, а у самого двое детей, мальчик семи лет и девочка пяти. Недолго думая, посадил он их в тележку и развез по монастырям. Так будущий отец Симеон и стал воспитанником монастырского приюта, а потом плавно пе-

рetek и в число монастырской братии.

Имей он семью, родителей, может, и жизнь бы его по-другому сложилась, а так – куда еще было идти? А идти хотелось. Потому, узнав о начале войны с германцами, молодой послушник загорелся желанием пойти на войну. Поначалу пытался получить благословение отца наместника отправиться воевать, но тот в ответ на его просьбу только руками замахал. Выхода не оставалось, как только бежать.

В первой же атаке монаха-добровольца сильно контузило, он потерял сознание и пришел в себя только в госпитале. Отца Симеона комиссовали и отправили назад в монастырь. Вернувшись в лавру, он искренне покаялся в непослушании. Наместник, человек мудрый, простил нарушителя и вновь принял его в число братии.

Жизнь вернулась в привычное русло, только воспоминания о той страшной атаке преследовали батюшку постоянно. Во сне он видел себя с винтовкой наперевес среди других солдат и точно таких же солдат-германцев, бежавших навстречу. Разрывы артиллерийских снарядов и парящие в воздухе оторванные головы, руки, ноги в солдатских обмотках... И всю жизнь, уже став стариком, продолжал молиться о мире, а самым большим злом на земле считал войну. Всем сердцем он поддерживал деятельность Советского комитета защиты мира, и если в руки батюшке попадали деньги, то переводил их на его счет.

Была у него одна странность, кто-то принимал ее за чуда-

чество. Отец Симеон считал, что во время выборов его бюллетень должен непременно первым попасть в урну для голосования. Потому в шесть часов утра он уже появлялся у дверей избирательного участка, куда были приписаны и монахи, жившие в монастыре. Быстро проголосовав, батюшка доставал из кармана подрысника сколько-то денег и клал на стол перед членами избирательной комиссии.

– А это, – указывал он, – на дело мира.

Ребята из комиссии, наши же семинаристы, звонили отцу эконому и спрашивали:

– Батюшка, отец Симеон дал нам денег на дело мира, что нам с ними делать?

– Выполнять благословение, – шутил отец эконом, – купите себе что-нибудь к обеду и мирно между собой поделите.

Даже в дни праздников, когда уставом за трапезой полагалось вино, отец Симеон мог встать и предложить тост за мир во всем мире:

– Отцы, страшное это дело – война! Станем молиться, чтобы Бог хранил наше Отечество.

Старенький отец Симеон слыл опытным духовником, потому я ходил к нему на исповедь. Однажды прихожу каяться, встал на колени. Батюшка открывает Требник, чтобы читать слова чина исповеди, и у него из книжки выпадает листок бумаги. Парит в воздухе и ложится прямо передо мной. Конечно, нескромно читать чужие бумаги, но я не удержался и взглянул.

Передо мной лежала телеграмма. В ней на куске телетайпной ленты было напечатано: «город Мурманск, архимандриту Симеону. Сердечно благодарю за помощь фронту. И. Сталин».

Отец архимандрит, смутившись, быстро положил телеграмму назад в Требник:

– Прочитал? Удивлен, наверное? Ладно, чтобы тебе не изнывать от любопытства, расскажу, как я ее получил. После закрытия лавры я служил на Севере, в Мурманске, был настоятелем храма и одновременно единственным служащим священником. К нам тогда ссылали множество отцов, но официальное разрешение от властей на совершение треб имелося только у меня. Помолиться в алтаре приходили и ссыльные владыки. Иногда во время службы возле престола стояло с десятков архиереев, а воздевать руки имел право только я один. Очень тяжелое было время.

Батюшка рассказывал, как он старался молиться и везде успевать, ведь за ним, единственным тогда легально служившим священником, стояла огромная паства. Одного только не хватало отцу Симеону: он никогда не проповедовал. Боялся, как он говорил, своего скудоумия и не решался наставлять тех, кого считал выше себя. И в одну из ночей во сне увидел Пресвятую Деву. Она и укорила его в том, что он всегда молчит.

– Что же мне делать, Матушка? Не способен я слово говорить.

– Тогда бери написанные проповеди и читай.

– Кого же мне читать, Матушка?

И в ответ Пресвятая назвала ему имя автора одного из сборников проповедей. Этой книги у него как раз и не было.

Утром в храме он рассказал псаломщику о своем сне, а тот отвечает: «Есть у меня такой сборник», – и вечером принес его отцу Симеону.

– С тех пор я на каждой службе стал читать очередное краткое поучение известного проповедника. Вы бы видели, как плакали люди от его незамысловатых слов!

Не было в лавре другого такого любителя проповедовать, как отец Симеон. Даже если сам не говорил с амвона, так обязательно приходил послушать других. Не пропускал и учебных студенческих проповедей. Все уже устанут и разойдутся, а батюшка все будет тихонечко стоять где-то поодаль и слушать.

Мой знакомый священник в те годы, будучи семинаристом, в один из таких дней слушал поучение отца Симеона. Молодежь любила пообщаться со старым монахом. Неожиданно он повернулся к моему знакомому и сказал остальным:

– Позвольте представить: перед вами будущий ректор N-ской семинарии.

Какой ректор, какой семинарии?! Семидесятые годы, Церкви дозволялось существовать в строго очерченных границах отведенного для нее гетто. И вдруг N-ская семинария,

которая тогда не могла существовать ни при каких условиях. Ребята посмеялись над шуткой старика. Только теперь именно тот батюшка действительно уже много лет несет послушание ректора N-ской семинарии.

Года три назад его пригласили в Швейцарию выступить на христианском конгрессе. Католикам и протестантам хотелось услышать историю подвига Оптинских старцев. А потом, когда ему задали вопрос, сталкивался ли он в своей жизни с подвижниками такого уровня, батюшка и рассказал об архимандрите Симеоне.

Как только началась война, отец Симеон объявил о начале сбора пожертвований. Причем не только в своем храме, но по всему Мурманску и окрестным поселениям. Много ездил, просил жертвовать, и люди отзывались. За короткий срок батюшка набрал два мешка денег крупными купюрами. Надо как-то в Москву переправлять, а кому такую сумму доверишь? Время военное, а деньги неучтенные. Вот и решил-ся отец Симеон сам ехать в столицу.

Не знаю, как уж он добирался, но представить могу. 1941 год, немец стремительно приближается к Москве. На фронт идут эшелоны с солдатами, а назад – бесконечные составы с ранеными и беженцами. И среди этого бескрайнего человеческого моря – маленькая фигурка немолодого уже человека в рясе, с крестом и двумя большими мешками в руках.

– Куда ты, отец? – спрашивали его различные чины по пути. – Что дома-то не сидится?

– В Москву еду, к товарищу Сталину, – объяснял батюшка. – Народ пожертвования собрал, надо фронту помочь.

Таким образом отец Симеон добрался до Москвы и пришел в Кремль. Правда, к самому товарищу Сталину его не пропустили, но деньги приняли и выдали расписку о получении за печатью ответственного финработника. А вернувшись в Мурманск, отец настоятель вскоре и получил благодарственную телеграмму за подписью Верховного главнокомандующего.

* * *

Но самое необычное воспоминание, связанное с отцом Симеоном, случилось во время посещения лавры «черным Папой», главой ордена иезуитов, посетившего Советский Союз. Конечно, отец Павел называл мне и год, и даже вспоминал имя «черного Папы», но я, увы, не удосужился их записать.

– В лавру свозили всех гостей, посещавших Москву, особенно тех, кто имел хоть какое-то отношение к Церкви, – рассказывал батюшка Павел. – Привезли и генерала ордена иезуитов. Небольшого роста, в черной сутане, все время своего посещения он ходил, сцепив пальцы за спиной и уткнувшись взглядом в землю. То ли католику было откровенно скучно, то ли таким образом он выражал свое снисходительное отношение к возрасту наших святынь. Попробуй уди-

вить пятнадцатым веком того, кто каждый день из окошка своего кабинета смотрит на развалины Колизея.

– Перед вами церковь преподобного Сергия с Трапезной палатой, построенная в семнадцатом веке.

Гость, поджав губы, мельком бросил взгляд в сторону храма и снова уставился в землю.

– Рядом – знаменитая колокольня, возведенная по проекту князя Ухтомского, высота 88 метров, что на шесть метров выше колокольни Ивана Великого в Москве.

В глазах иностранного гостя никакого интереса, хотя было заметно, как внимательно он всматривается в лица попадавшихся навстречу монахов.

Неожиданно иезуит остановился. Боковым зрением он заметил шедшего по соседней дорожке отца Симеона и принялся поедать того глазами. Отец Симеон почувствовал к себе внимание человека в незнакомом облачении. Хотя, конечно, его ответный интерес был вызван вовсе не облачением – слишком часто бывали в лавре официальные делегации, и все к этому давно привыкли. Просто в глазах странного гостя было что-то такое, мимо чего не смог пройти старый монах.

Они молча стояли и внимательно вглядывались один в другого. Потом одновременно сделали шаг навстречу, потом еще шаг, и вот два совершенно незнакомых, говорящих на разных языках человека, широко расставив руки, побежали друг к другу и обнялись. Как сияли их глаза, сколько в них

было радости и взаимной любви!

Стало понятно, что искал в лавре «черный Папа». Он, словно тот Диоген, хотел найти человека. Святость искал.

Когда делегация высокопоставленных иезуитов покинула монастырь, батюшка подошел ко мне и спросил:

– Отец, а кто это к нам приезжал?

Не стал я отцу Симеону ничего рассказывать, ведь неизвестно еще, как старик переживет известие, что на глазах всей монастырской братии он обнимался с генералом ордена иезуитов. Потому и сказал:

– Это был просто хороший человек.

Чем тот вполне удовлетворился и зашагал дальше по своим делам.

Вспомнить эту историю мне пришлось много лет спустя. Меня попросили выступить на конференции, посвященной памяти удивительного человека, Федора Петровича Гааза. Немца, католика, всю жизнь прожившего в Москве. Врача безвозмездного, сумевшего полюбить и вместить в своем сердце всю босяцкую каторжную Россию. Конференцию в преддверии прославления доктора Гааза проводила католическая митрополия. Ехать на встречу собирался другой батюшка, но в последний момент заболел и перепоручил выступление мне. За три оставшихся дня я не успел в полной мере подготовиться, слишком тема доклада была специфична. Потому только и смог разве что обозначить предложенную мне тему.

Это был первый и последний раз, когда я выступал перед столь представительным собранием. В Москву съехались епископы из Италии, Франции и Германии. Прямо передо мной расположились все четыре католических епископа из России, а рядом в президиуме сидел их митрополит. Напротив имен большинства выступавших значилась пометка: доктор богословия. Поскольку мой сан был самый маленький, то и выступать меня поставили в самом конце, после меня значились только ужин и концерт.

Два долгих дня я был вынужден сидеть и слушать выступавших. Они сказали много хороших слов в память о «святом докторе» и еще обсуждали пути сближения с нами, православными, живущими в России. Наконец председательствовавший митрополит предоставил слово мне.

В течение нескольких минут, кратко и, как мне показалось, доходчиво, я отрапортовал уважаемому собранию то, что было обозначено темой, и замолчал. По сценарию подобных конференций мне должны были ответить сдержанными хлопками и отпустить, тем более что, отказавшись от ужина, я еще успевал на электричку. Но они молчали. Чувствовалось, что кроме дежурного доклада люди ждали от меня, единственного среди них православного человека, чего-то еще. Не зря же они ехали к нам издалека.

Тогда, набравшись смелости, я предложил:

– А хотите, расскажу вам одну историю?

В ответ народ одобрительно закивал головами: давай, мол,

отец, не стесняйся.

– Не знаю точно, когда это произошло, мне духовник рассказывал. Приехал к нам в Советский Союз «черный Папа».

Все тут же повернулись в сторону историка-консультанта, присутствовавшего в зале.

– Да, – немедленно подтвердил тот, – действительно, в таком-то году (я от волнения снова не запомнил дату) к нам в Москву приезжал генерал ордена иезуитов. Только мы, католики, не называем его «черным Папой».

– Так вот, – продолжил я и стал рассказывать про отца Симеона, как всю свою жизнь он по-своему, может, немножко смешно боролся за мир во всем мире, как добирался поздней осенью 1941 года в столицу с собранными среди ссыльных пожертвованиями в помощь фронту. И о той самой встрече, когда два таких непохожих, обитавших на разных планетах человека вдруг почувствовали друг в друге что-то такое, из-за чего, презрев возраст и положение, бегом побежали и бросились в объятия. Наверное, и мы, когда сумеем почувствовать друг в друге что-то важное и притягивающее, не останемся стоять на месте и тоже побежим, и тоже обнимемся.

И они услышали меня, эти люди из Италии, Франции и Германии. И хлопали так, что мне стало страшно за их ладони. Сойдя с трибуны, я поспешил на электричку, и каждый из тех, кто попадался мне в коридоре – простые уборщицы, официантки, рабочие, – улыбаясь, крестили меня вслед и кричали: «Спасибо!» Будто они тоже сидели в зале и слу-

шали историю про отца Симеона.

А я уже бежал по улицам Москвы, по ступенькам эскалаторов в метро. Каюсь, не успеваю купить билет, перепрыгнул через турникет на вокзале. У меня был шанс успеть на последний автобус, идущий ко мне в деревню. И вы знаете, я успел!

Пророчество игумена Нафанаила

Один знакомый батюшка как-то рассказал анекдот. Хрестоматийная, в общем-то, ситуация.

Католический ксендз и православный батюшка во время поста едут поездом в одном купе. Пан ксендз достает из сумки шматочек пахучего сала. Нарезает тоненькими кусочками и начинает есть. «Батюшка, – улыбается он, – пожалуйста, угощайтесь». В ответ наш православный пастырь, сглотив набежавшую слюну, самоотверженно отказывается: «Что вы, пане ксендже, как можно? Мы же сейчас постимся и сала не

едим». Католик ест и посмеивается: «И напрасно, батюшка, напрасно. Сало, знаете ли, вещь хор-о-о-о-о-ошая!»

Доехали пастыри до конечной станции, прощаются. Батюшка берет вещички и кланяется: «Всего вам доброго, пане ксендже. Прошу передавать от меня поклон вашей матушке». Ксендз с удивлением переспрашивает: «Какой такой матушке? Разве вы не знаете, что матушки нам не положены?» А батюшка парирует, победно улыбаясь: «И напрасно, пане ксендже, напрасно. Матушка, знаете ли, вещь хор-о-о-о-о-ошая!»

Рассказал он этот анекдот Великим постом, и не зря, видать, рассказал. Как человеку понять, что он счастлив, что не нужно ему искать что-то далекое и необыкновенное, если его счастье на самом деле всегда с ним рядом? Вот мы, православные, это знаем. Нашей маленькой радостью становится возможность просто сесть после поста за стол и поесть с друзьями того же самого салца. Для других это будни, а для нас – праздник.

Если бы не посты, стали бы мы по-настоящему ценить тех, кто живет с нами в одном доме, делит стол и ложе? Был бы этот человек тебе всегда желанен? А как здорово сознавать, что и ты ему точно так же дорог, такой же единственный и на всю жизнь.

Нет, определенно священнику без матушки не спастись. Матушка – это второй крест на его шее и постоянный ограничитель. Только и слышишь: «Куда пошел? На кухню после

восьми не входить! Мне что, на холодильник замок вешать?»
Это уже давно, когда еще на железной дороге работал.

Просыпаюсь как-то дома ночью и чувствую сильнейший голод. Работали мы посменно, и ночь для меня перестала отличаться ото дня, и потому есть хотелось круглосуточно. Встаю и потихонечку крадусь на кухню. Поставил чайник, намазал хлеб маслом, сверху еще и медом – короче, пирую.

А матушка даже во сне услышала. Сразу поняла – дело недобро и ринулась спасать. Приходит, а я, уже разохотившись, второй бутерброд готовлю. И ведь не стала ругаться, а убедила, что не надо мне этого вовсе. Столько лет спасала и продолжает спасать. А что прикажете делать, если нервы напряжены до предела или тебя посетил источник вдохновения? Ну как не пожевать в такой момент кусочек колбаски? Как?!

И тогда высокой степенью искусства становится проскользнуть к холодильнику таким образом, чтобы никто не заметил и ничего не услышал. В этот момент даже какой-то азарт появляется, словно ты пробираешься в тыл к противнику. На этот раз дойдешь или нет? Иногда и во время поста по привычке проберешься, правда, тогда хлопаньем дверцы все дело и ограничивается – холодильник все одно пустой. Разве чтобы навык не утратить.

В последнее время все чаще приходится жить порознь. Матушка то за стариками уезжает ухаживать, то внучку приглядывать, и все чаще остаешься в доме один. Думаешь: вот

и славно, отдохну от постоянного «всевидающего ока». А уезжает, и время останавливается. Ты перестаешь жить и словно впадаешь в анабиоз до тех пор, пока она не вернется. Оглядишься вокруг и думаешь: зачем мне столько комнат, хватило бы и одной. Все что можно спрятать – накрываешь, чтобы не пылилось, и закрываешь двери в другие комнаты. Зачем убирать лишнюю площадь?

Пытаешься честно наводить порядок на кухне, моешь посуду, вытираешь стол. А все равно прямо кожей чувствуешь, как все вокруг покрывается противной жирной пленкой. И от этого еще больше растет чувство заброшенности, неуютного одиночества. В углу большой комнаты сиротливо высится холодильник, его практически не открывают, разве только морозилку, чтобы забросить пару очередных пачек с пельменями. Кому он нужен, если к нему можно подойти когда угодно? Неинтересно.

– Я же тебе всего наготовила, – возвращаясь, удивляется матушка. – Ты так и не притронулся к котлетам. А суп? Ты что, всю неделю не ел первого?

Нет, вроде что-то ел, хотя точно и не помню что. Ах да, покупал кильку в томате и варил пельмени. Странно, как это я котлет не заметил и кастрюлю с супом?

Думал, что это только со мной такое происходит. Недавно уезжал на несколько дней. Матушка провожает меня и вздыхает:

– Ты уезжаешь, я остаюсь одна, и зачем все эти комнаты?

Посмеялся я тогда над анекдотом, а потом представил себе жизнь этого католического батюшки у нас в России, и мне его стало жалко. Личная жизнь священника традиционно замыкается на семье и на доме, у него практически не бывает друзей. В церкви священники общаются, как правило, с верующими мирянами, а исполняя требы на дому, – соответственно, с теми, кто пригласил. И как бы люди тебе ни нравились, но все равно ты собираешься и уходишь домой. Куда идти одинокому ксендзу?

Наши отцы периодически съезжаются на совместные праздничные службы, навещают друг друга. Есть возможность пообщаться, разрешить недоуменные вопросы, – а ему с кем душу отвести? Его собрат в лучшем случае находится в соседнем областном центре. Вот и начинают они тянуться к православным батюшкам. Знаю, в одной епархии отец ксендз неизменно участвует в крестных ходах с православными, потом идет с отцами за праздничный стол. Его никто не прогоняет – зачем человека обижать?

Как-то при случае разговорился я с одним таким католическим пастырем, он служит в соседней епархии. Порядочный верующий человек, приехал к нам в самом начале девяностых. Прежде чем ехать, долго готовился, учил наизусть Евангелие. Думал: если арестуют, на память будет читать Слово Божие. Не пригодилось, никто этого батюшку не арестовывал, и вообще никто у нас на него внимания не обращает, а ему одиноко. «Может, мне в православие перейти,

а? – спрашивает он меня. – Как ты думаешь? Время уходит, а я никому не нужен».

Все верно: человек приходит в этот мир, чтобы испытать или, лучше сказать, пережить любовь и самому ощутить эту самую нужность кому-то. Церковь учит, что Бог есть Пресвятая Троица, пребывающая в единой Сущности. Тайна этого единства человеку недоступна, но зато нам открыто, что Троица непрестанно пребывает в состоянии любви каждой Ипостаси друг к другу. Всякая характеристика, касающаяся Бога, понимается нами как абсолютная, потому и человек, испытывая любовь, в разной степени приближается к познанию главной Истины.

Только та высокая Любовь с обывательской точки зрения для нас недоступна и непонятна. Потому что она жертвенная, а на жертву мы чаще всего не способны. Но где-то там, в глубине души, человек все равно догадывается, что истинным может быть то, за что можно осмысленно жертвовать деньгами, временем, здоровьем, жизнью. Любовь завораживает. Мир останавливается перед ней, не переставая в душе восхищаться и даже иногда пытаясь подражать.

Но если обычный человек способен испытать чувство любви и нужности в своей семье, то как спасаться монаху? У него никогда не будет ни жены, ни детей, кого ему любить? Кого любить тому же одинокому ксендзу и кто полюбит его? Ведь и любовь имеет утешение, когда она взаимна.

Прошло уже почти четверть века с тех пор, когда трое дру-

зей, тогда еще совсем молодых ребят, приехали в глухое село, в храме которого служил старый опытный архимандрит. После службы он ласково принял юных алтарников, говорил с ними на разные темы и только после, как бы между прочим, ответил на главный вопрос, ради которого они ехали: «Тебе и тебе быть протоиереями, поезжайте поступать в семинарию к преподобному Сергию. А тебе, – архимандрит посмотрел в сторону третьего, – тебе быть монахом, это твой путь».

Так будущий отец Нафанаил узнал свою судьбу.

– Ну не хотел я жениться, никогда не хотел. Не видел себя в качестве мужа и главы семейства, – говорил отец Нафанаил так скорее потому, что рос сиротой, не знал отца и не представлял себя в этой роли. – Но и монахом я себя никогда не видел.

Пока друзья учились в семинарии, будущий отец Нафанаил примерялся к новому для себя образу жизни, ездил по монастырям, подолгу трудился на послушаниях и в конце концов пришел к владыке за благословением об определении на жительство в один из епархиальных монастырей. Владыка к тому времени уже знал и его самого, и о желании молодого человека стать монахом. Потому вскоре совершил над ним постриг, а через несколько месяцев рукоположил в первый священный сан. Приблизительно тогда же, окончив учебу в семинарии и женившись, стали священниками и двое его друзей.

Хотя будущего отца Нафанаила я знал еще мирянином, но по-настоящему мы подружились, когда он пробыл в монашестве уже около семи лет.

Батюшка часто восклицает:

– Да какой я монах? Настоящие монахи постоянно пребывают в молитве, а я в строительстве. Те умной молитвой мир спасают, а я молюсь о кирпичах с гвоздями.

К тому времени благодаря его незаурядному уму и кипучей энергии возобновилась монашеская жизнь одного из старинных русских монастырей, основанных еще до старообрядческого раскола. Потом его благословили в наших местах строить храм и детскую школу. Вот тогда мы с ним и сошлись.

* * *

Еще задолго до моего священства, помню, ехал из Москвы электричкой. Рядом со мной сидели и разговаривали между собой двое мужчин; как я потом понял, возможно, это были монахи или монастырские послушники. Говорили они громко, и я невольно подслушал их разговор.

– Нет, ты знаешь, я был уверен, что отец Аристарх не встанет. Так болеть, так болеть... – изумленно покачивая головой, дважды повторил один из собеседников. – А вот поди ты, встал и снова служит. А батюшка Лука, а отец Варсонофий? Ну ты посмотри, что не монах, так обязательно боль-

ной. Страдает, кажется, вот-вот помрет, а Господь держит на земле и не отпускает. Видать, любит он нашего брата. А поскольку тому, древнему монашеству нам не уподобиться, вот Отец Небесный и смиряет нас, сегодняшних, через болезни. Видать, такой уготован нам путь спасения через страдания.

Когда мы подружились с отцом Нафанаилом, я и припомнил тот разговор в электричке. За несколько лет в монашестве он, в общем-то человек некрепкого здоровья, серьезно заболел. Возможно, из-за постоянного поста в его организме что-то сломалось. Буквально в течение года он, и так будучи склонным к полноте, сильно поправился и периодически вынужден был ложиться в больницу. Я видел, как батюшка питается. Большую часть его рациона составляют таблетки, их он ест горстями. Лишний вес заставил моего друга отказаться от активного образа жизни. Ему тяжело ходить, подниматься по лестницам. Садясь, он нередко засыпает.

И параллельно с этим я наблюдаю в нем удивительные изменения. Наверное, оттого, что он смиряется со своим положением, постоянно подшучивая над собой, в нем все больше и больше проявляется какая-то детскость. Не в плане разумности или адекватности поведения, а в отношениях к миру и людям. Мы, я сужу по себе и по его друзьям, стареем, нас больше заботят семейные проблемы, наши дети. А отца Нафанаила беспокоят проблемы кого угодно, только не его собственные.

Помню, как навещал его в гастроэнтерологическом отде-

лении областной больницы. Он обрадовался моему приходу, стал было расспрашивать о новостях, но поговорить по-хорошему, не отвлекаясь, нам не удалось. Постоянные звонки: «Батюшка! Мы узнали, что вы в больнице, – а как же быть с тем, о чем я вас просила?» И начинается разговор про чужие болячки, лекарства, о том, где добыть денег на операцию такому-то. Отец Нафанаил то и дело сам кому-то перезванивает, просит какого-то врача принять такого-то больного. У кого-то, тысячу раз извиняясь, просит денег еще для кого-то, ему наверняка даже не знакомого.

Болезнь моего друга в глазах звонящих – просто досадная помеха тому, чтобы батюшка как можно раньше решил их проблему. Прощаясь, мы обнимаемся, и на выходе он сует мне в руку целый список имен:

– Так некстати заболел. Уж не сочти за труд, на литургии помолись об этих людях, им очень нужна молитвенная поддержка.

– Батюшка, а сам что? Ты же монах, твоя молитва куда как выше.

– Когда я еще в храм попаду? Да и какой я монах? – отмахивается отец Нафанаил. – Настоящие монахи постоянно пребывают в созерцании своих грехов и плачут о них. А я, ты же видишь, совсем осуетился.

Всякий раз, когда отца игумена переводят с одного места служения на другое, вместе с ним едет и его старый школьный товарищ Лешка. В свое время Алексей, как и многие

наши соотечественники, с огромными сумками в руках рванул за кордон в поисках счастья и дешевого ширпотреба. В этом поиске судьба забросила его аж в Южную Корею. Забросила и оставила на десять лет по приговору тамошнего суда. Лешка страсть как не любит говорить на эту тему, особенно о том, что он там натворил, зато однажды рассказал мне о корейской тюрьме.

Камеры там по большей части одиночки, мебель самая обычная, дверь зарешечена. Что-то наподобие тюрем, какие мы привыкли видеть в американских фильмах. Но восточные люди изменили бы себе, если бы не привнесли в тюремную жизнь некий свой непередаваемый восточный колорит. Все окна из камер смотрят во внутренний двор. Во дворе, в самом центре, стоял эшафот с виселицей. И хотя он не помнит ни одного случая публичной казни, веревку на виселице регулярно меняют и периодически проверяют механизм, при помощи которого открывается люк под ногами осужденного. Всякий раз, когда человеку хочется посмотреть на небо, перед его глазами постоянно маячит развевающаяся на ветру веревка.

Кран, из которого можно пить воду, устроен очень оригинально. Какой-то корейский шутник придумал разместить его прямо в унитазе. Причем так низко, что для того, чтобы попить или умыться, голову приходилось засовывать чуть ли не в унитаз. В душевую не водили, и помыться из-под такого крана тоже невозможно. Вентиляция работает плохо, спе-

циально или нет – непонятно. Зато через некоторое время все тело осужденного начинает покрываться болячками. У Лешки – не знаю, каким образом он его раздобыл, – имелся маленький кусочек резинового шланга. Он натягивал его на сосок от крана и периодически обливал себя холодной водой. Есть давали один рис и часто били. Поэтому, хотя людей официально и не казнили, случаи самоубийства происходили постоянно. Он помнит, как однажды, сговорившись между собой, в разных камерах одновременно удавились семеро китайцев.

– А я хотел выжить, – продолжал Лешка, – мечтал вернуться на родину. И именно там, в далекой Корее, впервые задумался о Боге. Почему-то человек так устроен, что пока он сам себя мордой в унитаз на засунет, молиться не начнет. В обмен на улучшение условий содержания от меня постоянно требовали признания в каких-то не совершенных мною преступлениях. В ответ я требовал свиданий с консулом и пересмотра моего дела.

На родине про Лешку, такого же сироту, как и отец Нафанаил, все давно забыли. Все, кроме его старинного школьного приятеля. Батюшка обивал пороги высоких учреждений и все писал, писал запросы в разные ведомства с просьбой помочь другу.

– Наконец меня вывели из камеры и провели в допросную, – вспоминает Лешка. – Корейский тюремщик снова стал предлагать признаться во всех грехах, которые я не со-

вершал. И потом, после моего молчания, объявил, что дело мое пересмотрено и вместо положенных десяти лет я приговариваюсь к трем годам заключения, которые уже отсидел. Потому меня немедленно освобождают из-под стражи и выдворяют из Южной Кореи. Когда наш самолет прилетел в Москву, в аэропорту меня встречал отец Нафанаил. Я был изможден настолько, что самостоятельно идти уже не мог. Тогда он взял меня на руки, словно ребенка, и понес.

Я представил себе эту сцену. Жаль, тогда еще не было принято снимать на мобильник. Можно было бы продать запись телевизионщикам или запустить в интернет как отличную шутку. Толстый бородатый монах, потев и отдуваясь, несет на руках худого, длинного Лешку. Пузырь и соломинка – чем не повод похохмить?

Теперь Лешка – шофер и первый помощник отца Нафанаила. Иногда я езжу вместе с ними и с интересом наблюдаю, как они общаются друг с другом. Едем, а вдоль дороги народ торгует грибами.

– Леш, чего-то так грибного супчику захотелось. Давай возьмем, а? Ты как, поддерживаешь?

– Можно, батюшка, давай возьмем, сегодня как раз среда, можно и грибочков. Только, чур, я сам буду покупать, – и, оборачиваясь ко мне, комментирует: – Моего батю каждый норовит обмануть. В прошлый раз ему ведро червивых грибов всучили, а он и взял. Ведь видел, что червивые, и все равно взял. Говорит: «Может, этому человеку детей кормить

нечем». А тем все одно, кого обманывать, – хоть попа, хоть диакона.

Отец Нафанаил точно ребенок радуется, когда Лешка останавливает машину и покупает у придорожных бабушек бидончик ягод. Он тут же начинает всех угощать и благодарит шофера, словно благодетеля.

* * *

Я знал одного, к сожалению, ныне уже покойного архимандрита. У него в качестве келейницы жила старенькая монашенка, неправдоподобно маленького росточка, ну, может,

чуть выше метра. Отец архимандрит, прежде чем что-то сделать, всякий раз спрашивал разрешения у своей келейницы. Садимся за стол, а мы с собой привезли замечательную домашнюю наливочку.

– Фросьюшка, – спрашивает батюшка у маленькой монашенки, – благослови рюмочку с гостями выпить.

Та отрицательно качает головой.

– Фросьюшка, голубушка, ну только одну. Перед ребятами неудобно, они же специально ехали, чтобы батюшку порадовать.

– Сказала нельзя – значит нет! – как отрезала Фросьюшка.

Старый монах поворачивается к нам и виновато разводит руками: мол, извините, видите, какая она у меня строгая, не могу послушаться.

Видимо, и отец Нафанаил пошел тем же путем. Он же сластена, я его знаю. Помню, как однажды Лешка сам по собственному почину взял и привез в трапезную большущий арбуз, так наш отец игумен от радости едва не пустился в пляс. Мы, белые священники, живущие по мирским обычаям, с течением времени все больше и больше отличаемся от отца Нафанаила и не всегда его понимаем. Он запросто при всех может сказать нечто такое сокровенное, что, может, и не стоило бы произносить вслух.

Как-то хоронили мы одного священника. По традиции после отпевания тело усопшего обносится вокруг храма, в котором тот служил, а потом и погребается самими отцами.

После похорон мы собрались в трапезную помянуть собрата. Батюшка сидел задумчивый, о чем-то вздыхал, а потом и говорит:

– Знаете, отцы, мне вот какая во время отпевания мысль пришла. Вы детей рождаете, воспитываете. Вам их еще до ума доводить и доводить. Так что живите долго, вам нужнее. А я свою программу-минимум на земле выполнил, монастырь поднял, храм построил, болею вот все время. Да и, кроме Лешки, никому я больше на этом свете не нужен. Видать, и мой час не за горами. Вы уж меня тогда не забываете в своих молитвах. – И, расчувствовавшись, он смахнул набежавшую слезу.

Слушая батюшку игумена, отцы оценивающе рассматривали его фигуру, и потом кто-то сказал:

– Нет уж, отче, пощади – живи долго и не вздумай помирать раньше нас. В следующий раз, когда тебе что-то такое в голову стукнет, представь, как нам придется тебя вокруг храма тащить.

Наверное, отец Нафанаил действительно себе это представил, отмахнулся от нас и улыбнулся.

Говорят, сродное тянется к сродному. Вполне возможно. При новом храме, который поднялся старанием батюшки, были устроены несколько классов начальной школы с православным уклоном. Не знаю, чему больше радовался отец игумен – освящению самого храма или долгожданному открытию школы. Как сейчас помню, однажды захожу к ним в

храм и спрашиваю:

– Где отец Нафанаил?

Мне отвечают, мол, ищи на территории, где-то он здесь. А в школе как раз перерыв между уроками, детвора высыпала на улицу и с криками носится вокруг храма. Иду и слышу, как за углом раздаются какие-то непонятные звуки. Заглядываю, а это батюшка стоит себе скромно в уголке, сцепив пальцы обеих рук на животе. Наблюдает за играющими детьми и сам смеется, словно ребенок, только очень большой и бородатый. Увидев меня, немного смутившись, неожиданно сказал:

– Я не жалею, что стал монахом, и никогда не жалел, что у меня нет жены, но очень жалко, что у меня нет детей и никогда не будет.

– Что делать, отец, – как могу, успокаиваю друга, – таков твой путь: уподобиться ангелам.

– Ангелы, отец Александр, живут на небесах и о горнем помышляют, а я, грешник, никак от земного не отстану.

Помню, в то утро, когда мы с матушкой узнали о рождении внучки, я ехал к соседям на праздничное богослужение. В храме собралось множество отцов, ждали владыку. Приезжаю, а меня радость так и распирает. Славно-то как! Появилась на свет моя кровиночка. С кем из отцов ни поделюсь, те меня поздравляют, кто обнимет, кто за руку трясет. Скажу кому из знакомых монахов – а те словно не слышат, будто я им ничего не говорил. Меня это даже немного обидело, и

только потом я сообразил, что для монаха дети и семья – самая больная тема.

Наверное, нет такой православной компании, которая, собравшись за столом, не стала бы рассуждать о чудесах, пророчествах и прочих интересных вещах. Вот и мы как-то однажды общаемся, а отец игумен все молчит и молчит. Наконец, когда речь зашла о юродивых, батюшка встрепенулся:

– Как сейчас помню, приезжаем мы с Лешкой в Дивеево. Иду я, значит, по территории монастыря и слышу, как кто-то меня окликает. Оборачиваюсь и вижу: нищий сидит, подаяние просит. «Батюшка, – говорит мне, – подай копеечку, а я тебе что-то полезное скажу». – «Ладно, – отвечаю, – просто у меня сейчас мелочи нет. Вот разменяю, а на обратном пути подам». На обратном пути я его нашел и положил в шапку несколько рублей. А нищий так внимательно смотрит на меня, потом поднял вверх указательный палец и как крикнет: «Макарончики, батюшка, макарончики!»

Голос у отца Нафанаила, и без того могучий, в этот момент прозвучал столь торжественно и громоподобно, что ни у кого не хватило духа поинтересоваться у батюшки, что же означало это пророчество. Он смотрел на нас и словно чего-то ждал, а в комнате наступила гробовая тишина. Потом уже я не удержался и спросил:

– Отче, прости мою тупость, но я так и не понял пророчества про макарончики. Что тот юродивый имел в виду: переходить тебе на макароны или полностью от них отказаться?

Батюшка глубоко вздохнул и обреченно произнес:

– В том-то и дело! Всякий раз, рассказывая о том случае, жду, что кто-нибудь в конце концов растолкует мне эти его слова.

Сейчас отец Нафанаил вместе с Лешкой, хотя правильнее уже говорить не с Лешкой, а с отцом Антонием, уехали возродить очередную древнюю святыню и видимся мы крайне редко. Я бы и забыл тот рассказ о юродивом, если бы моя матушка однажды не сварила целую кастрюлю вкуснейших итальянских макарон. Еще она поджарила мелко порубленные баклажаны и смешала их с макаронами.

Возвращаюсь домой после каких-то дел, голодный, захожу на кухню и обнаруживаю на плите всю эту красоту в сковороде под стеклянной крышкой. С удовольствием, предвкушая, как славно я сейчас поем, накладываю себе полную тарелку, беру вилку и уже готовлюсь отправить первую порцию по назначению. И вдруг словно гром среди ясного неба – матушкин голос: «Макарончики, батюшка, макарончики! Не увлекайся, они очень вкусные».

Я немедленно вспомнил тот наш разговор за столом и понял – вот он миг, в который вершится история: толкователь нашелся! Еще какая-то минута – и миру откроется таинственный смысл пророчества батюшки Нафанаила.

«Свободу Анджеле Дэвис!»

Обычно по утрам я просыпаюсь в приподнятом настроении. Сны, если и снятся, тоже мирные, спокойные, соответствующие возрасту. Но в тот день я проснулся с чувством глубочайшего возмущения. Давно себя таким не помнил. Сел в постели и заявил:

– Это уже слишком! Так опозорить! Этого я ему никогда не прощу.

Потом отошел от сна и рассмеялся:

– Приснится же такое. Главное, накануне вечером ни о чем этаким я и не помышлял. Кому сказать, не поверят.

Только что я видел себя стоявшим в холле большого красивого здания. Стены украшены горящими огоньками, рядом со мной суетятся многочисленные фоторепортеры. Они готовятся встречать каких-то очень важных людей. Я стою немного в стороне и наблюдаю за ними. И вдруг слышу:

– Идут! Идут!

Журналисты засуетились еще активнее. Вижу приближающуюся группу глав государств. Среди них наш президент и бывший президент Соединенных Штатов. Ничего себе, думаю, как это меня угораздило оказаться в самой гуще мировых событий?

Вот группа высокопоставленных лиц поравнялась с нами. Смотрю на их лица. Обама улыбается. Неожиданно он останавливается и почему-то начинает разговаривать со мной. Все пошли дальше, а он остался. Говорит, разумеется, по-английски, но я его понимаю. И даже что-то пытаюсь отвечать. Видно, он доволен нашим разговором.

Потом американец прощается, машет мне рукой и, продолжая улыбаться, уходит вслед за всеми. Уходит, но я слышу, как он там, где-то за стенкой, на чистейшем русском пересказывает моему президенту наш с ним разговор в коридоре. Оказывается, я ему такого наговорил! Что еще немного – и война неизбежна. Понятно, не сдержался. И от возмущения проснулся. Уже делая зарядку, все возвращался к этому странному сну и вспомнил об одном своем благородном поступке, кстати, непосредственно связанном с Бараком

Обамой.

Один человек захотел сделать мне приятное. Решил подарить большой пряник с художественной картинкой из карамельной глазури. Поскольку пряников было много с разными картинками, то и выбор у меня оказался значительным. Продавец подала пряник с большим портретом нашего президента и государственным гербом:

– Вот, возьмите – рекомендую, очень вкусный.

Беру, рассматриваю. Здорово, портретное сходство поразительное. Представил, как стану есть «вкусного президента», да еще и с гербом. Стоя, что ли, и при развернутых знаменах? О чем думают те, кто выпускает такие пряники? И отказался.

– Ну, если вы такой щепетильный, то вот вам пряник с Обамой, – предложила продавец.

Обама, улыбаясь всеми тридцатью двумя зубами, доверчивыми глазами приветствовал меня со своего пряника. Конечно, с Обамой проще, только как я вопьюсь зубами в эти доверчивые глаза? Тем более что в наших с ним отношениях еще не было этого сна и такого недостойного с его стороны поведения. Хотя, наверное, я бы и в этом случае отказался.

– Батюшка, берите, он такой вкусный, – уговаривала продавец. – Когда его ешь, он хрустит.

– Кто хрустит, Обама? Я же не каннибал.

– Нет, конечно, глазурированная картинка хрустит.

– А может, лучше что-нибудь традиционное?

– Пожалуйста. – И девушка подала пряник с весело танцующей коровой.

Это было то, что надо. Я отвез его моей «лисе Алисе». Ей уже исполнилось полтора года, и она знала, что коровка говорит «му-у-у-у».

Ее любимая игрушка, «поющая корова», умела петь песенки, но не танцевала. А моя, что на прянике, танцевала, и очень славно. Наверняка она ей понравилась.

* * *

Уже через час мы с моим помощником Володей сидели в его машине. Ехали и слушали Гарика Сукачева. А Гарик в это время в привычной ему категоричной манере требовал от американских империалистов «дать свободу Анджеле Дэвис».

– Ты смотри, как заходится, сердешный, – сокрушался мой товарищ.

Добрую часть жизни Володя отработал в Москве водителем автобуса. А поскольку водить автобус он начинал еще до изобретения громкоговорящей связи, то и сокрушался не тише Сукачева.

Не так давно я пригласил его помогать мне в алтаре. И ничуть об этом не жалею. Теперь мои «мироносицы» притихли и ведут себя словно мыши. Главное, он им самим нравится: наконец-то, говорят, в алтаре появился мужчина. «Страсть

какой строгий. А нам это нравится. Мужик, он и должен быть о какой! Кулак, а не мужик, не то что некоторые». При этом явно намекая на батюшку.

– Мы тоже в свое время заходились по этой Анджеле Дэвис. Помнишь ее курчавую негритянскую головку?

– А то ж. Кто же ее не помнит? – пожал плечами Володя. – Мы тогда ей всем классом письмо писали, в едином порыве требуя: «Свободу Анджеле Дэвис». Гарик, наверное, тоже ей письма писал и так увлекся, что никак с тех пор не угомонится.

Интересно, куда девались те письма от наших детей в США? Ведь каждый класс их строчил. И везде требование, как сейчас помню: прекратите преследовать несчастных негров! Негр тоже человек!

– Не знаю, сожгли или сдали в макулатуру в обмен на «Трех мушкетеров».

Анджела Дэвис – ладно, она уже в прошлом. Зато этой ночью мне еще один негр приснился.

И всё-всё про поведение американского президента ночью в моем сне я, ничего не утаивая, рассказал Владимиру. И про то, как он улыбался во время нашего с ним разговора, и о том, как оговорил потом меня перед отечественным руководством.

– Главное, клеветал на меня чисто по-русски, безо всякого акцента. Как мы с тобой говорим, вот так и врал.

Я ожидал, что Володя станет смеяться, но он слушал не

перебивая. Видимо, мой рассказ заинтересовал его по-настоящему. Словно он уже имел об американце свое сложившееся мнение, но для полноты картины не хватало каких-то мелких незначительных штрихов. Услышал о моем сне – и все, портрет нарисовался.

– А ты ждал от них чего-то другого? – с горечью в голосе пророкотал бывший водитель автобуса. – Бесы, бесы они, эти американцы! И главный их самый что ни на есть бес. Ты вспомни, как он давал присягу. В первый раз это было или во второй, уже не помню. Ему на Библии нужно поклясться, а он не может. К Библии руку приложить не может – обжигает его святая книга. Пришлось перчатки надевать, только в них и получилось. Гарик вон про Анджелу спел, а я вспоминаю, как мы в автобусном парке радовались с мужиками этому Обаме. Подумать только, ведь это «наш», социально близкий, к власти пришел. Потомок угнетаемых негров, плоть от плоти. Теперь точно задружимся. Все, долой напряжение в отношениях и гонку вооружений! А он хуже любого капиталиста! – этой фразой из нашего недавнего советского прошлого Владимир закончил свою возмущенную тираду.

– Не переживай ты так, Володь, это я вообще-то тебе свой сон рассказал. Наяву ничего такого не было. Сам подумай, кто Обама и кто я. Думал, ты улыбнешься, а ты, погляжу, наоборот, расстраиваешься.

– Да надоели они уже, эти американцы! Даже ночью во сне нет от них покоя, – наконец улыбнулся алтарник. – Надеюсь,

больше он тебя уже не потревожит.

– Володя, так это уже не в первый раз, – поведал я водителю. – Однажды, еще в самом начале его первого срока, мы на приходе провели годовое собрание. И снится мне Обама. Я ему тогда даже немножко симпатизировал.

– Ну да, как же – нобелевский лауреат, миротворец!

– Вот я и увидел его на нашем приходском собрании, – продолжил я. – Сидит на галерке, улыбается. А мне неудобно: такой человек в кои-то веки к нам заглянул, и никто на него не обращает внимания. Думаю: предложу-ка ему войти в нашу ревизионную комиссию. Но он отказался, сославшись на занятость: «Простите, парни, я и так к вам еле вырвался, а в комиссии работать надо». Но видно было, что предложение ему понравилось.

Проснувшись, я тогда еще подумал: что если он наш, православный, только тайный?

– Ерничает мы с тобой сейчас над американцами, а вспомни, как с начала девяностых рвался наш народ туда, в сторону «проклятого капиталистического Запада», – вспоминает Владимир. – Как будто и не было между нами никакого противостояния и «холодной войны». Я сам чуть было не уехал. На нашей работе тогда один всех подбивал: поехали в Южную Африку! Очень уж там, говорил, хорошо, и денег платят не сосчитать – не то что у нас в автобусном парке.

– Володя, ты жил в Москве, – отвечаю. – В столицах жить проще. С периферии многие побежали, особенно с тех мест,

где началась стрельба. Здесь, в центре, их тоже никто не ждал, а эмиграция давала шанс начать все сначала.

* * *

У нас с матушкой есть одна общая знакомая. По национальности казашка из Алма-Аты. Муж ее – русский, всю жизнь занимается наукой. Айша, кстати, прямой потомок Чингисхана. У нее даже документ имеется с печатью, подтверждающий этот факт. Правда, родство со столь выдающимся предком ее совсем не трогает, документ ей принесли домой и просто вручили.

В детстве ее часто возили к бабушке в деревню. И всякий раз она задавалась вопросом: почему у бабушки во дворе асфальт белого цвета? Во всех дворах асфальт черный, а у них белый. У бабушки всегда было много скота. Даже в советские годы на нее работали наемные работники. Став старше, девочка узнала, что бабушка – ханская дочка, а дедушка из простецов. Потому и к миру у них отношение было совершенно противоположное.

Бабушка не любила людей. Она помнила свое происхождение и как могла по-своему мстила тем, кого она привыкла называть «дети краснопузых». Никогда никому ничем не помогала, и даже в самые голодные годы вместо того, чтобы подать просящим милостыню, выливала оставшееся молоко во двор. Потому и был он у них странного белого цвета.

Дедушка, наоборот, не пропускал ни одного нищего из тех, что брели по дороге мимо их дома. Деревенские его так между собой и звали – Милостивый. Ты Милостивого попроси, он поможет.

Мужа Айши, ученого-биолога, пригласили работать в один из штатовских университетов. Сперва он поехал один, а вскоре прислал приглашение жене и дочке. Айша рассказывала, как ездила оформлять документы в американское посольство в Москве.

Ей и всем, кто с ней намеревался получать визы, сотрудники посольства выдали анкеты и велели их заполнить. Почему-то в тот день среди посетителей было много нерусских. К Айше то и дело кто-нибудь из них подходил и просил совета.

– Помню, – вспоминает Айша, – подошел ко мне один армянин. Он плохо говорил по-русски и мало что в этой анкете понимал.

– Сэстра, – в очередной раз пристает, – а что такое «раса»?

– Не «раса», а раса.

– Что это, сэстра?

– Это значит, какого ты цвета кожи, – объясняю. – Белый, черный или желтый.

– Значит, я черный?

– Нет, ты белый.

– Я белый?! – удивился армянин. – Зачем белый? Я черный.

– Я тебе говорю, – злится Айша, – пиши «белый». Иначе анкету не примут и заставят переписывать.

И все-таки армянин решил, что он прав, и написал в графе «раса» – «черный». Потом я видела, как этот человек радовался, лез ко всем и, показывая исправленную запись в анкете, все повторял: «Видите? Я белый! Хочу в Америку, там я белый!»

Еще Айша рассказала об одной семье своих соплеменников. Эту казахскую семью она знала, живя в СССР, а потом их пути пересеклись и в Соединенных Штатах. Газиза, сверстница Айши, еще в детстве мечтала уехать жить за границу. Но время шло, а мечта никак не реализовывалась. Она успела выйти замуж, родить детей и даже развестись. И только когда великий и могучий Советский Союз развалился, появилась наконец возможность уехать.

Газиза бросилась искать мужа где-нибудь в Америке или в Европе. Наконец долгожданный «принц» откликнулся, и девушка умчалась к нему, перелетев через Атлантику.

Дети какое-то время оставались с бабушкой, а потом и они стали американцами. Бабушка, оставшись одна, затосковала. Она привыкла быть нужной, привыкла готовить еду на целую семью в своем большом чугунном казане. Только в казане получалась замечательная бабушкина шурпа и плов и еще много чего, что так нравилось внукам. В свое время и Айша после занятий в университете забежала в гостеприимный дом Газизы насладиться бабушкиной готовкой. А та

сидела, поджав щеку кулачком, и радовалась, видя, с каким удовольствием ест ее еду дочкина подружка.

– Кушай, кушай, дочка, – приговаривала бабушка. – Это тебе не русский суп. Того похлебал, а через час снова есть хочется. А тарелку шурпы съел – и целый день сыт.

– Бабушка, шурпа такая вкусная, потому что в твоём казане приготовлена.

Бабушка довольна, она нужна и всеми любима. Но прошёл год после отъезда внуков, другой. Затосковал человек и начал проситься: «Возьмите меня к себе в Америку. Мне тяжело доживать век одной».

Через несколько месяцев бабушка уже собирала вещи и думала, что на чужбине понадобится большего всего. Вроде и то надо бы взять, и это пригодится. Точно, казан! Как ей ехать в Америку, и без своего казана? Кто она без казана? Зачем она без казана?

Вскоре тяжёлый чугунный казан, надраенный до блеска песком, был заботливо укутан в толстую шерстяную шаль и помещен в чрево огромного «Боинга». Так казан с хозяйкой эмигрировал к новому месту пребывания.

Поначалу бабушка жила вместе с молодыми, а когда дети подросли, для нее сняли крохотную квартирку в соседнем доме. Казан перекочевал вслед за хозяйкой. И только тогда она осознала, что никакая она еще не старушка, а вполне не старая женщина, и устроилась работать.

Однажды на вахту, где трудилась бабушка, заглянул ее со-

служивец из местных, привлеченный необычным, но очень вкусным запахом. Человек зашел, угостился едой, приготовленной в чудо-казане, другой раз заглянул... Разговорились, и оказалось, что он вдовец. И бабушка, вот ведь совпадение, тоже женщина незамужняя. Так вскоре появилась на свет новая казахско-американская семья. Правда, американский муж до сих пор уверен, что его жена – русская. Теперь он точно знает, где находится Россия, и питает к нашей стране самые добрые чувства. Хоть бери его и записывай в члены Общества российско-американской дружбы.

– Вот! – неожиданно воскликнул мой собеседник. – Вот где собака зарыта! Он мужик, этот американец. А мужик, кем бы он ни был, должен быть сыт. Знакомый недавно летал в Америку. Я его спросил: что в Америке больше всего удивило? Он сказал, там очень много толстых людей. Не полных, а именно толстых, даже безобразно толстых. А все потому, что эти люди привыкли питаться тем, чем их кормят в рестораниках быстрого питания. Я думал над его словами и никак не мог понять, почему они так живут. Раз они такие толстые, значит они едят и не наедаются. Им всегда хочется есть. Я догадался: они голодные! Ты понимаешь, они просто голодные. Это обилие хот-догов, гамбургеров и прочей пластиковой еды не насыщает. А раз люди голодные, значит и злые. Голодные мужики всюду злые. Батюшка, это же выход! Чтобы решить проблемы наших с ними отношений, нужно накормить людей вкусной и здоровой пищей. Они насытятся

и перестанут голодать. Сытые добродушны, они улыбаются и отказываются воевать.

Слушай, нам потребуется целая государственная программа. Каждая наша женщина, выезжающая на Запад, – не важно, молодая или старушка, – должна брать с собой казан из толстого чугуна. И только в нем готовить еду для своего мужчины. Благодарные сытые мужики полюбят своих женщин по-настоящему, а вместе с ними и нашу страну.

С Обамой, жаль, не успели. Ты вспомни, когда наш президент к нему в Америку прилетел, – куда он его повел? Правильно, в «Макдональдс». Для него луковые колечки в сырном соусе – предел мечтаний. А так корми бы его Мишель шурпой из баранины, разве начал бы он воевать? Обаму уже не исправишь, слишком поздно, а вот жене будущего американского президента нужно будет послать в подарок точно такой же казан с подробной инструкцией по применению на английском и русском языках. Тогда будущий американский президент полюбит Россию и станет нашим другом. Вот хорошо-то будет! Как тебе мой план, батюшка, нравится?

– Еще бы! – улыбнулся я. – Володя, а ты голова. Только есть в твоём плане одно слабое место.

– Какое же? – удивился Владимир.

– Понимаешь, может статься так, что президентом Соединенных Штатов когда-нибудь выберут женщину.

Ностальгия

Не знаю, не могу понять, почему у меня, тогда еще ученика 8-го класса советской средней школы, отличника учебы и комсомольского секретаря, вдруг появилось бредовое желание – стать священником. Ладно бы в моем детстве была бабушка, которая водила бы меня украдкой в церковь или заставляла учить «Отче наш». Так ведь нет, бабушек своих я не помню и ни разу не видел, чтобы молились мои родители. У нас в доме никогда не ругали Христа, но не потому, что верили, а просто о Нем вообще не говорили – не существо-

вало такой темы.

В детстве я часто играл рядом с костелом, их в нашей местности было предостаточно, но почти никогда не заходил в православный храм. Меня туда не тянуло. Я совершенно равнодушно проходил мимо церквей и костелов. Я не был крещен и, более того, сразу же по вступлении в комсомол меня избрали комсоргом класса. И вдруг совершенно на пустом месте хочу стать священником, и все тут! А это середина семидесятых.

Стал осторожно наводить справки, где учат на священников. Мне подсказали, что совсем недалеко от нас, под Слонимом в Жировицах, находится семинария. И я решил туда поступать. Тот факт, что я был не крещен и не знал ни одной молитвы, меня совершенно не смущал. Более того, я вообще себе не представлял, чем занимается священник.

В это время на экраны страны вышел художественный фильм об одном монахе-священнике. Батюшка приехал служить в какой-то заштатный городок, а в том городке трудился очень нравственно положительный секретарь райкома. Всякий раз, когда он проходил мимо единственного в их городе храма, все его секретарское нутро начинало восставать при мысли, что вот на его глазах «погибает» от религиозного дурмана неплохой по сути человек, то есть этот самый батюшка.

Фильм кончается так: монах, насколько я помню, становится очень высокопоставленным человеком, может даже

епископом, и одновременно встречает любовь в лице сознательной атеистки, которая и помогает владыке стать «нормальным» человеком. В финале фильма епископ бежит по лугу и, не прекращая бега, срывает с себя и забрасывает в высокую траву панагию с подрысником. Всё по-советски столь перспективно и жизнеутверждающе, что так и хочется бежать за ним к новому светлому будущему.

Галина Михайловна, наша классная руководительница, в приказном порядке заставила нас посмотреть этот фильм. И что вы думаете, вместо того чтобы бежать вслед за киношным расстригой, мое желание стать священником только утвердилось. Как-то в разговоре с родителями, когда папа поинтересовался: «Ну, так в какое военное училище будешь поступать, танковое или командное?» – я совершенно без всякой задней мысли ответил: «Папа, я подумал и решил пойти в семинарию, на священника хочу учиться».

Такую немую сцену, какая произошла в тот момент с моими родителями, я видел в своей жизни только один раз – когда в нашем областном театре показывали гоголевского «Ревизора». Помню, как мама, схватившись за сердце, ойкнула и присела на диван, а папа, придя в себя, сперва молча показал мне кулак, а уж потом, обретя дар речи, добавил:

– Вот только попробуй. Ты что, погубить нас хочешь?

Почему погубить? Мне была непонятна тогдашняя реакция родителей на мое, в общем-то, невинное заявление. Я ничего не знал. А они, люди опытные, боясь, что я где-ни-

будь что-нибудь лягну, молчали при мне о совсем еще недавних массовых репрессиях. Я был послушный сын и не мог пойти против отца.

* * *

Помню, как после летних каникул, перед началом занятий в 9-м классе, мы собрались во дворе школы. Ребята рассказывали друг другу, где были и чем занимались летом. У нас в классе учился Слава Петров, весьма оригинальный малый. В начальной школе это был первейший разгильдяй, двоечник и второгодник. А потом с ним что-то произошло, и он решил, что ему нужно учиться. Петров постарался наверстать упущенное: окончил среднюю школу, потом техникум и, по моему, даже институт. А в довершение всего еще и женился на круглой отличнице и золотой медалистке.

В тот день Слава смеялся:

– Мужики, я сейчас вам такой анекдот расскажу, вы от смеха попадете!

Славка действительно мог отчебучить что-нибудь забавное, и я подошел ближе, уже было приготовившись смеяться.

– Короче, мы с отцом этим летом калымили. Церковь в Путришках красили, нормально заработали. Так вот, тамошний поп мне и говорит: «Славка, я вижу, ты человек старательный и из тебя будет толк. Если хочешь, могу тебе помочь поступить в Жировицкую семинарию. А потом, глядишь,

священником станешь. Нам такие добросовестные нужны». Я ему отвечаю: «Да я же вашей премудрости не знаю и молиться не умею». А он мне: «Ничего, Славк, молиться – дело наживное, ты только соглашайся, а я тебя научу». Батя мой слушает, как меня поп охмуряет, и тоже туда же: «А чего, сын, подумай, я противиться не стану». Пацаны, прикиньте! Я такой лет через десять в рясе в школу как завалюсь, так наша классуха точно с ума сойдет!

Славка смеется, хохочут пацаны, представляют в лицах нашего чудного Славку в черной рясе, с крестом на пузе и Галину Михайловну, которая, увидев своего бывшего ученика в таком страшном виде, словно подкошенная падает в обморок.

Я стою, пытаюсь вместе со всеми смеяться, а сам чувствую, что у меня от обиды слезы наворачиваются. Ну почему все так несправедливо? Почему я, почти отличник, дисциплинированный ученик, комсорг класса, обязан подчиняться всем этим условностям, а моя мечта может перечеркнуть карьеру отцу, и родителей обязательно попрут из партии? Почему второгодник и еще недавний пофигист Славка может стать священником и ему никто не станет мешать? А его отец, простой работяга, дает добро сыну на учебу в семинарии. Получается, лучше быть работягой и не зависеть ни от каких условностей. А зачем тогда учиться? И главное, почему сам Славка смеется над предложением того батюшки, неужели ему на самом деле смешно?

Прошли годы, я окончил школу, отучился в институте. Потом служил в армии. Время шло, и я перебрался в Россию. Уезжал временно, просто интересно было пожить рядом с Москвой. Хотелось попробовать свои силы в науке и в то же время начать работать. Хорошие годы – ты молод, полон сил и еще не обременен семьей.

Как-то профсоюзные боссы лаборатории, где я работал, заказали автобус и решили повезти коллектив на культурный отдых. Что представлял собой такой отдых? Мы обычно ездили в какой-нибудь московский театр, смотрели постановку или концерт. Потом нас завозили в магазин, мы затаривались продуктами и ехали назад. По дороге домой коллектив традиционно пил водку и горланил песни.

В тот раз было решено поехать в Троице-Сергиеву лавру. В компании таких же молодых девчонок и ребят мы гуляли по лавре, ходили смотреть иконостас в Троицкий собор. К мощам, понятно, никто не прикладывался, нам даже в голову такое не приходило. Кстати, народу тогда в лавру приезжало так же много, как и сейчас. На дворе стояла зима или ранняя весна. Еще лежал снег, хорошо было и на улице, и на душе. Мы шутили и весело смеялись.

Проходим мимо семинарии, ее территория отделена металлическим забором. Смотрю, а за забором быстрым шагом от корпуса в корпус перебегают ребята – раздетые, без шапок и верхней одежды. Я сразу понял, что это семинаристы. Коротко стриженные, в черных строгих костюмах с воротнич-

ком-стоечкой.

Я отстал от своих, подошел к решетке, прислонился к ней. Держусь за прутья руками, смотрю на ребят и думаю: «Какие же они, наверное, счастливые и живут совсем в другом мире, словно ангелы». На душе было покойно, хотя где-то там, глубоко внутри меня, звучала горькая мысль: «А ты никогда не будешь таким, это не твоя жизнь. Тебе нельзя, ты другой». Ну что ж, другой так другой. У каждого своя судьба.

* * *

Жизнь шла своим чередом, и годы сменяли друг друга. Я тоже менял места работы, снова служил в армии, но понимал, что все, чем бы я ни занимался, мне не интересно. Время проходит, а я с ужасом осознаю, что не могу определиться в жизни. Не могу понять, кто я и зачем живу, не могу понять своего предназначения; метался из стороны в сторону, легко добивался высот, но не получал ни радости, ни внутреннего удовлетворения, ни покоя.

Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не грянула перестройка, а вместе с ней и эпохальные изменения в стране. Я плохо разбирался в происходящих тогда событиях, да и не особо к этому стремился. Но однажды вдруг понял: «Я свободен! Пришло время, и я могу жить так, как хочу, и больше не зависеть ни от каких условностей».

Наступало время романтиков. Мы выбрасывали членские

билеты и учетные карточки, мы получили свободу выбирать. Только вот свобода выбора оказалась для многих из нас, не подготовленных к нему, жесточайшим испытанием. Вокруг нас разваливались целые отрасли, рушились предприятия, новейшее заводское оборудование отправляли на металлолом. И в то же время не чувствовалось отчаяния, самое главное – народ повалил в храмы. Мы шли креститься.

Помню, как в нашем храме отец Павел крестил за раз чуть ли не по сотне человек. Не могу себе представить, как бы я сейчас справился с такой ситуацией. Повсеместно люди требовали открытия храмов и на свои тогда еще скудные средства восстанавливали разрушенные церкви. Ходоки из многих мест ехали в епархии и требовали:

– Дайте нам священника!

Это так понятно, что при каждом храме должен быть священник, но только где их было взять, да еще в таких количествах? Священник – это все-таки «штучный товар». Его сперва вырастить нужно, да желательно бы при алтаре. Обучить; и не только как правильно служить, хотя и этому приходится учиться всю жизнь. Священник еще и народ наставлять должен, самому главному учить – евангельскому слову и евангельскому делу. Но тогда было не до жиру – хотя бы просто начать служить.

Стали рукополагать практически всех, кто был способен произносить ектении и был мужем одной жены. Не обходилось без казусов.

У нас наподобие анекдота ходил рассказ о том, как рукоположили в диакона одного молодого человека, и тот, когда ему велели читать на службе Апостол, вдруг заявил, что книга, мол, эта не православная и читать он ее не станет. На недоумение священника молодой диакон показывает:

– Так вот же написано: «конец всем святым».

Это старинная помета, указание для чтеца, где заканчивать чтение на праздник Всем святым, а батюшка диакон, как человек православный, святых почитал и, естественно, «кончать» их не мог. Кстати, мне тогда же встречался священник, действительно не почитавший святых, а другой батюшка принципиально не прикладывался к иконам. Всего хватало. Через несколько лет нам все это аукнулось. Но то потом, а в те годы мир казался весенне-радушным.

Приезжаешь в Москву, выходишь на станции «Арбатская», и вот они, кришнаиты. Красавцы. Размалеваны под индейцев – или под индийцев? Молодые ребята и девушки, чем они занимались у входа в метро? До сих пор не могу понять. Маленькие детки с бритыми головками и разрисованными мордочками. Книжек своих никто из них мне не предлагал. Однажды со мной из Москвы в электричке ехал целый вагон кришнаитов. Хорошие такие ребятки, но очень уж чудные.

Здесь же, возле кинотеатра «Художественный», суетятся «цхашники». «Церковь Христа» – так они себя называют. «Вы хотите получить ответы на самые важные вопросы в

жизни?» Конечно, хотим, только знаешь ли ты ответы на эти самые вопросы, дружок? Больно уж у тебя вид жалок. С такими глазами все чаще у церкви попрошайничают, а не человечество спасают.

Никогда не забуду ребятишек из «Белого братства», вот тех мне действительно жалко. Вроде неглупые лица, а нацепили на себя простыни и стучат в маленькие медные тарелочки. Вовсю пиарят свою «богиню» с коброй на голове. И ладно если бы только они. Открываешь газету, какой-нибудь «Труд», уважаемое некогда издание. А там на всю страницу: маленькие человечки слетаются к большому человеку, стоящему на облаке. Это «белобратчики» встречают своего бога на небесах. Под картинкой реклама конца света с конкретной датой «полета».

Шутки шутками, но в одной столичной газете в разделе криминальной хроники читал, что в Москве бабушка голову себе сломала, как же ей конец света встречать. В обозначенное время легла она на кровать. Лежит, ждет, а входную дверь запирать не стала. Должны же как-то к ней ангелы попасть. Простая душа, привыкла верить любимой газете «Труд». Заходят два мужика, глядят на бабушку. А та им:

– Ну вот, уже и ангелы прибыли. Сразу полетим?

«Ангелы» тут же смекнули:

– Полетим-полетим, только из вещей кое-что собрать нужно.

И кого потом винить? Этих «ангелов», комсомольскую

«богиню» с коброй на голове или газету «Труд», что печатала всякую ерунду?

Нет, все-таки хорошее было время. Наше предприятие окончательно развалилось, и я ушел работать на железную дорогу простым рабочим, как Славкин отец. Крестился, стал ходить в храм, пел на клиросе и был счастлив. Через несколько лет поступил учиться в богословский институт. Сегодня это уже уважаемый университет, а тогда нас было мало, и мы все любили друг друга – и студенты, и преподаватели.

Сейчас иногда возвращаюсь памятью в те годы – годы романтиков, годы поиска. Никогда уже больше в храмы не приходило столько людей, как тогда, в начале девяностых. Сколько одних москвичей ехало в далекие епархии – принимали сан, служили в деревнях, поднимали разрушенные храмы. Годы прошли, многие перестали быть романтиками, суровые будни все расставили по своим местам. Но кто-то все равно научился летать.

Каждая эпоха имеет для меня свой зримый образ. Годы революции ассоциировались с крейсером «Аврора», Великая Отечественная война – с плакатом «Родина-мать зовет», а вот начало 90-х у меня неразрывно связано с такой картинкой: время полдень, подземный переход от метро «Арбатская» к Новому Арбату. Народу в переходе – как сейчас в метро в час пик. Еле идем, дышим один другому в затылок: пробка. Людской поток, медленно поднимаясь вверх по лестнице, вынужден обтекать какое-то препятствие. Подхо-

жу ближе, а препятствие – это бож. Сидит здесь же на ступеньках и читает книжку.

Думаю, чем же ты так зачитался, человече? Пробрался к нему и заглянул через плечо, – а это Евангелие от Луки. Вот он, наш тогдашний символ: спившийся и обобранный человек, утративший человеческий образ, сидит против сметающего все на своем пути людского потока с Евангелием в руках. И поток ничего не может с ним сделать. Ругается, толкает, но смиряется и вынужденно обтекает его, словно утес, и в этом мне до сих пор видится надежда.

Размышляю над своей судьбой. И понимаю, что если когда-нибудь у какого-то человека даже по совершенно непонятной для него причине появится малейшее желание быть с Ним – или даже не желание, а просто вырвется невольный вздох сожаления, что до сих пор это не так, – то в тот же миг Христос немедленно выйдет ему навстречу. Пройдет сквозь тернии и годы, чтобы ответить на этот вздох, и сделает все от Него зависящее, чтобы эта встреча обязательно состоялась.

Танец

Главным делом любого священника, естественно, является молитва. Это молитва и в храме, и молитва за его стенами. Всякая молитва освящает мир, делает его немного чище и добрее. Она вносит смысл во всю человеческую жизнь, от рождения ее в мир и до ухода из него. Человеку важно прийти в земной мир физически здоровым, чтобы иметь способность жить и реализовывать свое предназначение. Важно подготовиться и к рождению в тот мир. От состояния здоровья души зависит и место ее пребывания в вечности.

Задача священника – подготовить человека к этому рождению. Как повитухи помогают малышу войти в наш мир, мир конечный, ограниченный временными рамками, где мы только учимся быть людьми, так и мы, священники, берем на себя роль повитухи, но только при рождении души уже во взрослое, подлинное бытие. Только люди больше ценят жизнь временную, земную, ту, что можно потрогать руками, особо не задумываясь о вечном. Потому и нас, священников, чаще призывают только к умирающим – тогда, когда уже все кончено и очередная неудачная попытка взмыть на небеса, увы, закончилась падением. Ему лететь, а крыльев нет или сил не хватает, за жизнь свою так ничего и не скопил.

Мы, люди верующие, часто касаемся этой темы и не боимся напоминать о смерти, потому что она для нас не конец человеческого бытия, а, напротив, его начало. Мы призваны исполнять что-то очень важное там, в вечности. Но допустят ли нас к этому важному, решается по итогам жизни здесь, на земле.

За время своего служения я нередко замечал, что образ Божий, даже если человек и не подозревает о своем предназначении, и живет не очень чисто, все равно способен проявиться в нем в любой момент. Иногда такое выражение присутствия в человеке Неба принимает совершенно неожиданный оборот. Об одном таком случае мне хотелось бы рассказать.

Несколько лет тому назад попросили меня совершить от-

певание на дому. Умерла одна одинокая женщина, много лет проработавшая кондуктором на рейсовом автобусе. Ее личная жизнь не сложилась. Любви не было, а женщине без любви, сами знаете, никак. Ей ведь семья нужна, надежный мужчина, и чтобы детей любил.

Вы думаете, феминизм – это оттого, что женщины нам, мужикам, что-то доказать пытаются? Трактор им, видишь ли, хочется покорить? Да нет, им детей хочется, семью хочется. Всякие там феминизмы – от неустроенности, да еще и от душевной пустоты, которую и начинают бабоньки по нашей устоявшейся привычке заливать спиртным. А спиваются они куда быстрее нас, в этом отношении мы действительно сильный пол.

Прихожу к ней в дом, а на отпевании одни мужики и ни одной женщины. Обычно все бывает наоборот – а тут с десятков мужичков, и все как один пьяненькие. Стоят, покачиваются, но одеты хорошо, чисто, кое-кто даже в костюмах еще из той, прошлой советской жизни.

В других обстоятельствах мужчины стараются улизнуть от подобного обязательства – на отпевании постоять. Все у них там дела какие-то находятся неотложные. А как выйдешь после отпевания из дому, так вот их дела, под дверью: у подъезда стоят, курят. Боятся наш брат смерти и даже думать о ней не хочет, потому что, как тот страус, все в землю от нее головой закопаться пытается. А эти никуда не бегут, даже странно как-то.

Разжег кадило, положил на уголек маленький кусочек пахучего ладана и начал молитву. Народ стоит, молится, крестное знамение кладут исправно и тут же кланяются.

Всякий раз замечаю – как станешь совершать отпевание, запоешь эти необыкновенной красоты песнопения, так и нисходит на тебя удивительное состояние покоя. Через священника это состояние передается близким усопшего, и спустя какое-то время уже все, кто участвует в молитве, объединяются в единое мистическое целое. И бывает обидно, если в такую минуту у кого-то в кармане заиграет совсем не подходящая высокому настроению молящихся бравурная музыка.

Молимся, и вдруг вижу, как спустя какое-то время подходит ко гробу один из мужичков, становится рядом с усопшей и начинает выделывать что-то непонятное. Даже и описать это трудно.

Сперва он, широко раскинув руки, становится на одно колено, потом резко прыжком отталкивается от пола и меняет коленку. Затем, все так же оставаясь с расставленными руками, ложится на живот, потом переворачивается на спину и пытается ногами в ботинках похлопать так же, как хлопают в ладоши.

Со стороны такое выглядело нелепо и неуместно, а потому, наверное, и очень смешно. Мне пришлось приложить немислимые усилия, чтобы в голос не расхохотаться здесь же, над гробом. Даже незаметно щипал себя за руку и заку-

сывал губы. Ну, думаю, народ наш от водки совсем с ума сошел, чудит даже при таких скорбных обстоятельствах. Огляделся вокруг: на удивление, остальные зрители оставались спокойными и ни тени улыбки не возникало на их лицах. Даже напротив – угадывалось откровенное сочувствие.

Короче говоря, этот «акробат» все время, пока шло отпевание, продолжал свои странные телодвижения. То они мне напомнили какой-то неуклюжий танец, то статические фигуры на счет, какие любили представлять у нас в 1930-е годы. Я решил ему не мешать. Мало ли – пьяный, еще свяжешься.

Уже уходя и одеваясь в прихожей, я все-таки не утерпел и спросил у одного из присутствовавших, не знает ли он, что означали все эти странные кульбиты, если они, конечно, имели какой-то смысл.

– Да у него, батюшка, видишь ли, чувства к ней были, – ответил мужчина. – А так он ничего, смирный.

Вот тебе раз! Это что же получается – только что на моих глазах этот пьянчужка исполнил прощальный танец? Я вспомнил, как тот скакал, и улыбнулся. Стал искать сравнение и подумал: все равно как у лебедей. Говорят, лебедь, потерявший подругу, поднимается высоко в небо и танцует свой прощальный танец, прежде чем упасть вниз и разбиться о землю.

Но танцевать он точно не умел, двигался как мог, повторяя то, что где-то когда-то видел раньше. Да и понимал ли он вообще, что делает? Он не знал, как молиться, а если что

знал, то уже забыл. Остался только смешной танец – танец неустроенной, несчастной, никому не нужной одинокой души, в которой в этот трагический для нее момент под влиянием зазвучавшей молитвы внезапно проявился Образ.

Контакт

Мой хороший товарищ, отец Виктор, бывший спецназовец, рассказывал мне, как в первый раз в жизни надел подрысник. И не только надел, но и пошел в нем по Москве. Он еще не был рукоположен в сан, но получил благословение на право ношения священнической одежды.

– И вот иду, – рассказывает отец Виктор, – а навстречу выходит дядька лет шестидесяти. Здоровенный такой, и пиво на ходу пьет из бутылки. Поравнялся со мной и вдруг ни с того ни с сего как даст мне по носу! И сломал его. А так как

нос у меня был сломан уже раз двадцать, то кровь не пошла, но все равно было больно и слишком обидно. За что? Ведь я даже не глядел в его сторону. Раньше бы я его убил просто. Но сейчас-то я стал христианином, да еще и подрясник на мне. Сдержал себя, хотя было очень трудно.

Запомнил я того мужика, благо дело было в моем районе. Встречаю его через пару дней, остановил и спрашиваю:

– Ты чего же, отец, меня по носу ударил, что я тебе такого сделал?

Представь, он отвечает:

– Ты меня прости, сам не пойму, какая муха укусила. Ведь я до последней минуты не собирался тебя бить. А как поравнялись, словно сила какая-то развернула, и я ударил, пьяный был. Стыдно мне, сынок, сил нет, как стыдно! Ты уж прости меня, старого!

Мне тоже иногда вспоминаются забавные и немного странные случаи из жизни. Как-то едем в автобусе. Полдень, народу немного, только сидячие места и заняты. Я в подряснике с крестом стою на задней площадке. Едем. На одной из остановок в салон заходят трое молодых ребят, лет по семнадцать, – веселые, вроде трезвые, смеются. Оно и правильно: молодые должны смеяться, потом наступит время забот и проблем, а пока можно и повеселиться.

Однако замечаю, что эта смеющаяся троица начинает постепенно смещаться в мою сторону и потихоньку так зажимать меня в угол салона на задней площадке. Вдруг один из

ребят как бы случайно, падая на спину, прижимает меня к стенке. Они уже вовсю хохочут, я отхожу в другой угол, а юноша бьется об меня уже боком.

Чувствую, назревает драка – что делать? Я не могу их бить – каноны не позволяют, а на мне еще и крест. Смотрю на людей, что едут вместе с нами. Видят же, что молодежь над священником куражится. Думаю, может, кто заступится, ведь я же не в Москве, я в родной поселок еду, и эти люди обязательно должны меня знать. А народу забава: мужики в проход со своих мест повылезли, шеи вытянули и с неподдельным интересом ждут, будет драка или нет.

Ладно, думаю, раз драки не избежать, тогда будет так: если успеем к ближайшей остановке подъехать, я выйду, а если не успеем, ну, куда деваться, сниму крест, и начнем публику потешать. Но все «испортила» одна пожилая женщина. Она сидела к нам боком и держала перед собой большую сумку на колесиках и инвалидную тросточку. Эта бабушка и закричала на молодежь:

– Вы что ж это делаете?! Как вам не стыдно – на священника руку поднимать!

И что вы думаете? Ребятки поутихли, отошли от меня в сторонку и, так же похохатывая, вышли на первой же остановке.

Понятно, что потом подошел я к моей спасительнице, поблагодарил ее и спрашиваю:

– Матушка, почему ты за меня заступилась? Вон ведь здо-

ровые дядьки едут, а никто и пальцем не пошевелил, а ты закричала.

– Ой, батюшка, все просто. Нас с родителями, когда мне было всего пять лет, выслали, как семью кулаков, на Север и загнали голых и босых на болота. Нас, таких семей, там много было. Сказали, мол, хотите – живите, не хотите – подышайте. Короче, как хотите. Вот если бы мы не помогли тогда друг другу, не заступались один за другого, не выжили бы. Там и молиться научилась, все мы тогда только на Бога и надеялись – и выжили. А сейчас я даже рада, что смогла вот хоть на старости лет за священника заступиться. Так на душе радостно!

* * *

Живем мы, сельские священники, скромно. Может, перед кем и стоит проблема, как и во что одеться, а вот у меня такой проблемы нет вовсе. Меня полностью, за исключением мелочей, одевает секунд-хенд. Люди приносят в храм много тряпок, что уже не хотят носить, а что-то от усопших осталось. И моя староста Нина, молодец такая, никогда не забывает про батюшку. А я человек в одежде непритязательный, за модой не гонюсь, так что за все слава Богу.

Но вот как-то матушка решила, что мне обязательно нужно купить зимнюю, не продуваемую ветром куртку. Ну, раз нужно, значит нужно. Поехали на рынок. Там у одного армя-

нина сторговали коричневую замшевую куртку с искусственным зимним воротником на заклепках и подстежке на молнии. Одно было подозрительно: уж больно мало торговец за нее просил. Когда мы уже отдали деньги, он мне сказал:

– Понимаешь, брат, такие куртки уже из моды вышли. И их никто не покупает.

Мне все равно – главное, чтобы вещь была теплая и ветер не продувал. До сих пор эту куртку ношу, сносу ей нет.

Однажды иду после занятий в семинарии на автовокзал в своей новой замшевой куртке. Надел ее прямо на подрясник – наверное, просто поленился его снимать. Иду в здание областного автовокзала и краем уха слышу, как кто-то кричит:

– Нет, ну вы полюбуйтесь на этого упыря! Полюбуйтесь, вот он, кровосос проклятый на нашей народной шее!

На вокзалах всегда обитало несметное полчище бездомных алкашей, поэтому к таким крикам и разборкам все давно привыкли и не обращают внимания. Я тоже не обратил внимания, и напрасно. Оказалось, что «упырь» и «кровосос» – это я. А поводом к негодованию стала моя новая замшевая куртка с искусственным зимним воротником на заклепках.

Неожиданно подбегает ко мне нетрезвая тетенька средних лет и хватается за мою куртку.

– Отдавай, паразит, куртку! Люди, люди, смотрите, как эти попы нас дуруют, обжирают! Смотрите, в каких шмотках ходят, на «мерседесах» ездят, а мы, простой народ, что же, с голоду теперь подышать должны?!

Ну, думаю, попал! Вот ведь угораздило меня пойти в подряснике, поленился снять в семинарии, а теперь получай. Тетка хоть и пьяная, а сильная. Да еще и тяжелая, повисла у меня на руке и не отпускает. Но здесь меня выручили другие пассажиры. Двое молодых ребят, видя, в какую я попал ситуацию, тут же подбежали и оторвали от меня эту тетку.

– Мать, – предлагают, – чего ты хочешь? Давай мы тебе хлеба купим?

Угомонилась.

А однажды со мной произошла ну очень смешная история. Летом иду по улице небольшого городка, что рядом с нашим поселком. Мне нужно было зайти к одному знакомому, тот жил в пятиэтажке. Подхожу к его подъезду. Возле подъезда на лавочке две бабулечки раскладывают стопки журналов. Заглянул, а это уже до тошноты знакомая «Сто-рожевая башня».

О как! Иеговисты! Дай-ка я с ними немного пообщаюсь. И значения не придал, что на мне подрясник и крест. А для свидетеля Иеговы – это все равно что для быка красная тряпка. Бабушки в ответ на какой-то мой невинный вопрос развернулись – и на меня. Две такие миленькие старушечки: маленькие, худенькие, обе в береточках, у одной золотая фикса во рту.

Оценив ситуацию, они, не сговариваясь, вытянули ко мне свои кулачки и бросились в драку. Честное слово! Это было так неожиданно. Им не хватало только боевого клича типа

«банзай!» или «Иегова, вперед!»).

Конечно, мне бы ничего не стоило справиться с зарвавшимися пропагандистками наверняка из числа бывших активисток годов этак шестидесятых. Но я не забывал, где на тот момент находился. А находился я во дворе, куда стекались подъезды четырех стоящих квадратом пятиэтажных домов. И за мной в это время могли наблюдать десятки и десятки любопытствующих глаз. Представьте себе эту картину!

Люди с высоты своих этажей смотрят, как поп с крестом на груди дерется с двумя интеллигентного вида старушками. Кого обвинят: их или меня? Конечно же, меня. И скажут или подумают: «Совсем уже попы распоясались! Мало им храмов, уже по дворам старухам от них житья нету». Ведь ни у кого не сработает, что хулиганят-то как раз эти «божии одуванчики». А им, наверное, лестно, это у них за мученичество считается – от православного попа получить подзатыльник. Так что, друзья мои, не нашел я больше ничего лучшего, как бежать. Бежал позорно с предложенного мне поля боя.

* * *

Почитай каждый год мне приходится бывать зимой в Москве на Рождественских чтениях. Встретился там с одним знакомым батюшкой. Он мне рассказал, что накануне вечером какие-то молодые люди в метро ему угрожали и даже преследовать начали. Хорошо, говорит, успел до милицей-

ского поста добежать.

– Ты вечером подрясник не надевай, разные люди в Москве живут, будь осторожен, – предупредил меня.

Наша секция проходила в самом центре города, в Историческом музее, что на Красной площади. Работа секции завершилась, а музей еще был открыт, поэтому я решил пройти по залам, посмотреть экспозицию, тем более что всегда любил историю. Гуляю, рассматриваю разные древности и замечаю, что за мной ходят и явно хотят заговорить, но не решаются две еще нестарые посетительницы. Тогда я улыбнулся и первым обратился к ним.

Оказалось, обе они из Петербурга и отбывают на родину этим вечером около полуночи. Чем-то я им приглянулся, вот и захотелось женщинам сделать мне что-нибудь приятное. Они предложили сходить с ними на балет в Большом театре.

– Это же дорогое удовольствие, девушки! – возражаю.

– Сразу видно, что вы не театрал, – в ответ снисходительно улыбнулись новые знакомые. – Кто же из настоящих ценителей прекрасного будет покупать билеты в Большой театр? Никаких денег не хватит. Пойдемте, мы вас так проведем!

Оказывается, в билетных кассах можно было попросить билет на «место неудобное». Он стоил всего-то двадцать рублей, правда, с него ничего и не увидишь. А и не надо, нужно немного подождать и, как прозвучит третий звонок, смело идти в зал, и любезные смотрительницы предложат тебе занять свободное место. Вот таким образом я в первый

раз в жизни смотрел балет в исполнении труппы замечательного театра.

Помня наставление друга, я планировал разоблачиться еще по выходе из музея. Но когда представил себе, как трапезно буду смотреться без подрясника на фоне людей, специально собравшихся в Большой, то решил повременить, тем более что был не один. А по окончании представления настолько оставался под впечатлением от увиденного, что и вовсе забыл обо всем. Потом мы гуляли по Красной площади, женщины рассказывали мне о своем городе, в котором я еще никогда не был, а потом мы расстались.

Я спустился в подземный переход возле гостиницы «Москва», чтобы пройти в метро. Странно, но вокруг почти никого не было. Иду один, и вдруг в одном из тупичков большого перехода увидел их. Наверное, именно об этих людях мне и рассказывал знакомый батюшка. Сложно описать чувства, охватившие меня в ту минуту. Зато теперь я точно знаю, о чем думал несчастный капитан Кук в последние мгновения своей жизни.

Передо мной стояло с десяток молодых людей совершенно в невообразимой одежде с раскрашенными лицами и зелеными ирокезами. Я остолбенел, молодые люди тоже замолчали и во все глаза уставились на меня. Мы стояли и с нескрываемым удивлением рассматривали друг друга.

Внезапно один из них несмело пошел мне навстречу, и тогда я тоже пошел к нему. Мы остановились и как-то одно-

временно протянули друг другу руки.

– Здравствуй! – сказал я ему.

– Здравствуй, – ответил он, и мы улыбнулись.

С той встречи прошло уже много лет. А я все с благодарностью вспоминаю тех женщин из Питера, что неожиданно сделали мне такой подарок – балет «Анюта» на новой сцене Большого театра. Рассказываю про тех забавных ребят, которых встретил в подземном переходе, и думаю: а может, тот самый мальчик, что пошел мне навстречу, сам сейчас кому-то рассказывает:

«Представляешь, ночь. Подземный переход, мы стоим, никого не трогаем. И тут из-за угла такой весь в черном, страшный бородатый поп! Останавливается и смотрит на нас. Мы оторопели: куда бежать? А он, не поверишь, вдруг подошел ко мне, улыбнулся и говорит: “Здравствуй!”»

За чертой

Священнику чаще, чем кому бы то ни было, приходится входить в соприкосновение со смертью. Конечно, можно указать на врачей или работников ритуальных услуг, они-то уж точно чаще имеют дело с телом человеческим. Но я говорю несколько о другом – о духовной стороне этого феномена в нашей жизни.

Почему феномена? А потому что человек бессмертен. Являясь в мир, он вовсе не собирается умирать и тем не менее умирает, а в болезни и в глубокой немощи даже сам просит

смерти как великой милости. Мы все ее боимся, более того, человека, который доказывал бы обратное, можно смело отдавать в руки психиатров. И все же мы не можем обойти слова Христа, что смерти нет и ее не нужно бояться. Знаете, Он вообще не обращает внимания на физическую смерть человека, но постоянно предупреждает нас об ответственности за вечность и о страхе загубить эту вечность еще в нашей земной жизни.

Более того, смею утверждать, что сродство с вечностью заложено в человека изначально, оно действует внутри независимо от нас. Только мы не знаем, что нам делать с этим призывом, а душа, словно малое дитя, плачет, и мы ее пытаемся успокоить чем угодно. Суем пустышку, а не то, что ей нужно. Отсюда и страх.

Сегодня стали возвращаться к традициям церковного погребения. Прежде чем похоронить, усопших отпевают в храме или дома. И не важно, был человек верующим или нет, ходил он в церковь, молился или только и делал, что попов ругал. Мы, церковники, стали таким внешним традиционным дополнением к началу и концу человеческой жизни.

Сперва добрые мамины руки приносят в храм маленькую душечку и крестят, во имя добра. Душа становится способной впитывать и удерживать в себе Божественные энергии, чтобы, напившись ими, подобно спелому колосу, созреть для вечности, вселиться в небесные обители. Но происходит-то как раз наоборот. Душу подготовить – подготовили,

а питать ее никто и не собирался.

Живет крещеный человек, кормится непонятными духовными суррогатами, от которых его душа потихонечку подготавливается для ада. И уже несозревший колос wpłyвает в храм на руках любящих его детей. И так и не распутившийся и не давший плода цветок спешно закапывается в землю руками, как правило, узбеков или таджиков. Внешние традиции мы усвоили, а главному учиться так и не стали.

Помню, пришел в один дом на отпевание еще совсем не старого мужчины. Народ уже собрался и толпился на выходе. Все было готово к выносу тела, ждали только священника.

Захожу и вижу такую картину: мать, жена усопшего и другие женщины – мужчин нет, мужчины слабее женщин и поэтому бегут от запаха смерти подальше – сидят вокруг гроба и, не поверите, вслух разгадывают кроссворд. Я оторопел: вот так цинизм! Первым желанием было обличить и уйти, но сдержался. Внимательнее всмотрелся в лица женщин, а они от горя аж черные. И понял, что если бы не нашли они для себя хоть какого-то стороннего дела и остались со своей бедой один на один, то просто сошли бы с ума. Они не умели молиться, не знали о вечности, а значит, потеряли любимого человека раз и навсегда, а потому утешительной соломинкой стала для них эта книжка с кроссвордами.

Многого раньше я не понимал. Помню, при схожей ситуации отпевал на кладбище летом человека, привезенного издалека. Лето, жарко, в храме отпевать невозможно.

Пока отпевал, дети покойного, люди еще совсем молодые, плакали в голос. Глядя на них, даже взрослые мужики украдкой смахивали слезу, и у меня, грешного, в горле запершило. Однако вскоре, пропев заключительное «Со святыми упокой...», принялся скручивать цепочки кадила, чтобы уложить его в требный саквояж. И внезапно, словно по чьей-то команде, это проявление чувств резко прекратилось.

Дети усопшего шумно и по-деловому схватились за сумки, достали из них заранее заготовленную водку с закуской и так же дружно, как плакали, стали поминать. Через минуту зазвучали отвлеченные разговоры, а потом я услышал, как кто-то засмеялся.

Помню, как дочка покойного заправски отшвырнула пустую бутылку из-под газировки в кучу с мусором, стихийно образовавшуюся на месте чьих-то заброшенных, хотя и относительно свежих могил. И единственным, у кого все еще продолжало першить в горле, похоже, остался только батюшка.

Через секунду я уже убежал с кладбища, лишь бы оказаться подальше от народа, жующего и смеющегося рядом с могилами. Хотя они предлагали подождать несколько минут, а после трапезы подкинуть меня до храма. Нет, куда угодно, но только подальше отсюда! Физически не мог оставаться с ними.

Время прошло, я приобрел опыт и теперь понимаю, что люди маловерующие, напиваясь, таким образом прячут свой

страх перед смертью. А тогда, грешен, их не понял и осудил.
Очень уж было страшно смотреть на все это со стороны.

Дедушка

В аптеке общежития у нас еще недавно бойко торговали спиртом. Маленькие бутылочки с вожденным напитком по 200 миллилитров брынцаловского разлива. Удобная фасовка, разбавил водичкой – вот тебе и пол-литра. Необыкновенная дешевизна – всего-то десять рублей, потому бутылочки неизменно пользовались повышенным спросом у потребителя. Народ трогательно прозвал их фуфыриками, но аптекари, продавая продукт, неизменно требовали называть товар только так, как указывалось на этикетке.

Я как-то сам попросил продать мне для технических целей пару фуфыриков, на что в ответ услышал:

– Не знаем никаких фуфыриков. Отойдите, мужчина, не мешайте работать!

Забавно было наблюдать, как по утрам, еще до открытия аптеки, собиралась огромная толпа мужиков с синими задумчивыми лицами с целью приобрести спирт для инъекций. Куда колоть-то собираются, в горло, что ли?

Если оказывался в это время в толпе, нередко слышал просьбы от страждущих докинуть пару рубликов до необходимой суммы. Никогда в этом не отказываю – знаю, что порой это действительно вопрос жизни или смерти, а я и так уже устал отпевать.

Однажды мне пришлось соборовать старого человека в доме рядом с общежитием. Припарковал машину недалеко от аптеки и отошел. После совершённой требы сажусь за руль и вижу, как ко мне торопливо подходит прилично одетый, еще не старый мужчина. Думаю, наверное, о крещении внуков хочет со мной поговорить. Но мужчина, который выглядел лет на пять старше меня, сказал:

– Дедушка, выпить хочется, не могли бы вы дать мне взаимы рублей пятьдесят?

В этот момент я обнаруживаю, что оставил в храме борсетку с деньгами и документами на машину. Хорошо еще гаишникам не попался. Пошарил по карманам и обнаружил в куртке мелочью рублей пятнадцать. Пока искал деньги, ду-

маю: «Надо же, дедушкой меня назвал. С чего бы это?»

Меня никто еще так не называл. Тем более человек старше меня возрастом. Говорю мужику:

– Вот возьми, на фуфырик хватит. А так, извини, все в храме осталось.

Смотрю, покоробило его это мое предложение:

– Дед, ты меня с этими подонками не равняй! Я приличный человек и фуфырики не потребляю. У меня просто сейчас денег нет, а опохмелиться надо.

В то время мы вокруг храма вели своими силами ландшафтную планировку. Срывали лопатами бугры и засыпали лишней землей углубления, предварительно убирая дерн. А потом еще по осени подсевали культурные травы.

Периодически приходили помогать молодые ребята, наши прихожане и дети прихожан. Привлекал я и знакомых гастарбайтеров в дни их отдыха от основной работы. Они возили тележки с дерном и песком. А мы взамен подкармливали их обедом и выручали рабочей одеждой.

Вот я этому товарищу и предложил:

– Слушай, приходи к нам в храм. Я даю тебе лопату, и ты копаешь часа три, а потом я тебе выдаю рублей 150. И ты имеешь возможность пить самую хорошую водку.

Нужно было видеть взгляд этого человека!

– Ты что же, дед, равняешь меня со своими чурками? Хочешь, чтобы и я на тебя ишачил? Между прочим, я офицер, пенсионер МВД, а ты меня так унижаешь!

Отвернулся от меня человек и в негодовании ушел.

«Странно, – думаю, – работать ему стыдно, а деньги на водку здоровому мужику у попа клянчить не стыдно». Своеобразное понятие о чести у бывшего офицера.

С того дня стал меня не то чтобы мучить, но очень заинтриговал вопрос: а почему тот человек ко мне так чудно обратился – «дедушка»? Может быть, в какой-то местности у них так называют священников – не «батюшки», а «дедушки»? Вообще-то выражение «батюшка» – это, как и «отец», обращение неформальное. Если священник, представляясь другому священнику, назовет себя «отцом», то это у нас считается моветоном. А уж если какой-нибудь бедолага контрольную работу в семинарии подпишет «отец такой-то», то над ним откровенно станут смеяться. А обращение «батюшка» – ласкательное производное от неформального «отец». Но «дедушками» у нас никого не называют.

«Наверное, ветеран так по незнанию меня назвал», – подумалось, и я забыл об этом случае.

Спустя несколько дней как-то вечером я вновь оказался на том же самом месте. Проходя мимо входа в аптеку – а чтобы туда войти, нужно предварительно попасть в само здание общежития, – я услышал из темного коридора мычание, чем-то похожее на человеческий голос: «Деда-а-а-а».

«Ну и голос у “внучка”, – отметил я про себя, – прямо как из преисподней». И проследовал за матушкой в соседний магазин. Каково же было мое удивление, когда минут

через пять в тот же магазин зашел или вплыл, не знаю уж как и выразиться, человек. Такой большой и страшный, что такое я только в старом фильме «Вий» видел. Одет он был несуразно и грязно, лицо оплывшее, потерявшее человеческий облик, глаз вообще не видать. Но, вместо того чтобы потребовать поднять веки, он сказал мне хрипло:

– Деда, поговорить надо.

«Опять, – думаю, – деда».

Иногда такому человеку хочется сказать тебе что-то свое, очень болезненное, терзающее душу. Или он просто попросит отпустить ему грехи. Я уже было настроился слушать очередную историю из пьяной жизни, но «вий» оказался практичнее. Он просто стрельнул у меня недостающие пять рублей на фуфырик и точно так же величественно удалился.

Уже второй человек всего за несколько дней назвал меня дедом – что бы это значило? Десять лет не звали, а теперь сговорились, что ли? А может, пьянчужки между собой меня Дедом Морозом называют? Борода у меня уже белая и выручаю их частенько, отсюда и «дед»? А что, вполне логично.

В соседнем подъезде нашего дома живет один бывший шофер. Он постоянно пребывает в состоянии «выпимши», с неизменным матом и папироской в зубах. Тем не менее мы с ним находим общий язык и частенько перекидываемся при встрече парой слов. Видимо, сосед чем-то серьезно болен, так как уже несколько лет собирается ко мне в церковь. Ему нужно в чем-то покаяться, но он пока еще не созрел. Но обя-

зательно созреет и покается, а потом уже я должен буду его отпеть. Это он мне так говорит.

Всякий раз, когда в разговоре мы доходим до этого места, голос шофера срывается и на глазах у него наворачивается скупая мужская слеза. Поскольку жену соседа его бесконечные пьянки уже, видимо, достали, пить она ему дома не позволяет. Но бывший шофер нашел выход. Он купил старую «девятку», на которой не столько ездит, сколько чинит, а кроме того, использует в качестве летнего кафе.

Когда человек упивается в нормальных условиях за столом, то обычно высматривает салат и падает в него лицом. Мой сосед, доходя до кондиции, падает лицом на сигнал, что и извещает супругу о необходимости идти за мужем и тащить его домой.

В эти же дни прохожу утром мимо машины соседа и внезапно слышу его голос:

– Дедушка! Заходи, посидим!

Я остановился как вкопанный. Снова «дедушка»! Сел со стороны пассажира. В машине стояла начатая чекушка водки и открытая бутылка красного крепленого вина.

– Угощайся, дедушка, – широким жестом гостеприимного хозяина предложил сосед.

Помню, на железной дороге, где я работал составителем поездов, один мой товарищ и большой любитель выпивки на подобные предложения мог запросто ответить:

– Да я не с каждым путным здороваться буду, а уж с то-

бой-то еще и водку пить? Нет уж, извини.

А потом смеялся и опрокидывал предложенную стопку.

Я, конечно же, так не смел отвечать человеку, тем более соседу. Поэтому мне пришлось сослаться на то, что мне еще садиться за руль, а шофер шофера в этом отношении поймет с полуслова.

Посидев для приличия с ним еще пару минут, я поинтересовался:

– Слушай, сосед, скажи, если не секрет: ты почему меня дедушкой называешь?

Тот молча посмотрел на меня несколько секунд и ответил просто и гениально:

– А как же еще прикажешь тебя называть? Ведь не бабушкой же, правильно?

И действительно, какая же я бабушка, скорее дедушка, тьфу ты, то есть батюшка! Вот ведь затейники! И как звать-то тебя, с ними забудешь.

Долго я еще потом смеялся, вспоминая его ответ. Правда, с того дня дедушкой меня уже больше никто не называл.

Мир, где оживают мечты

Сколько себя помню, всегда о чем-нибудь мечтал. Началось это еще в далеком детстве. Ложился на кровать, устраивался поудобнее. Даже просил, чтобы ко мне в комнату никто не входил. А иначе трудно было сосредоточиться и представить себя пожарным, но не таким, который только и делает, что спит на рабочем месте. Я из огня не выходил принципиально. Порой подмывало подняться в воздух на сверхзвуковом самолете или даже космическом корабле. И неизменно во всех сценариях мечта приводила меня к невысказанным

подвига и заслуженному званию Героя Советского Союза. Умереть я не боялся, пока однажды не увидел, как плачет мама, услышав по радио о гибели космонавта Комарова. А когда погиб Юра Гагарин, мы плакали с ней вместе.

Время шло, и мечты тоже не стояли на месте, только как-то помельчали. Став студентом, я мечтал когда-нибудь начать писать курсовик или сдать сессию без «хвостов». В армии полтора года каждый вечер мечтал о том, как буду возвращаться домой. И еще представлял, как увижу ее, хотя знал, что она уже замужем.

Став священником, продолжил мечтать о крышах и куполах, но самой навязчивой мечтой почему-то было построить «крестилку». У меня не получилось стать героем-пожарным, и на самолетах летаю в лучшем случае раз в год, зато мечты о крышах и куполах, слава Богу, воплощаются в жизнь.

Мечты – это те же мысли, только не высказанные вслух. И хотя открываются они одному лишь Господу Богу, но и бесы, как учат древние отцы, благодаря нашей болтливости, движениям и даже мимике, догадываются, о чем мы мечтаем. Они вообще в курсе всех наших дел.

Знакомый батюшка рассказывал, как однажды, еще до рукоположения в сан, решил навестить своего друга, пожилого уже священника, назовем его отцом Владимиром. Жил батюшка вдовцом и много молился. Знакомый мой навестил его воскресным утром, как раз служили литургию. Народ уже стал подходить к Причастию, когда мой приятель услы-

шал:

– Вовка, ну чего тебе от меня надо? Может, договоримся?

Он оглянулся. Рядом, в нескольких шагах, стояла женщина лет сорока, а мужчина, как оказалось – ее муж, крепко держал жену под руку. Женщина смотрела в сторону священника широко открытыми, но пустыми глазами и громко на весь храм кричала:

– Что, не хочешь договариваться?

Отец Владимир обреченно вздохнул и сделал вид, что его это не касается.

– Молчишь, святоша? Мы грешные, ладно, – а сам-то что из себя представляешь? Ну-ка, расскажи народу. Молчишь? Хорошо, тогда я скажу.

И начала подробно рассказывать обо всем, что делал священник в течение прошедшей недели, и не только о делах, но даже и о мыслях.

– Володь, а хочешь, деньгами помогу? Ты крестилку хотел строить, соглашайся. И на воскресную школу подкину, ты меня только не причащай, не мучай меня-я-я-я!

Пока бесноватая перечисляла греховные помыслы священника, кто-то из прихожан засмеялся. Она немедленно перевела взгляд в сторону смеющегося и закричала:

– Ты-то что хохочешь? – и полился обличительный поток, от которого не в меру смешливый дяденька пробкой вылетел из храма.

Правда, причастилась женщина спокойно, но на выход са-

мостоятельно идти уже не могла. Тогда муж попросил моего знакомого помочь проводить больную из храма.

– Она шла, тяжело опираясь на мою руку, – вспоминал мой знакомый батюшка. – За время пути к выходу бес просветил окружающих о таких фактах из моей биографии, что уши у меня запылали, словно маки.

Покинув храм, бесноватая пришла в себя, ее глаза вновь приняли обычную величину и цвет, но она ничего не помнила.

Отец Владимир рассказал, что несчастную женщину вот уже десять лет приводят к ним в храм. И каждое ее Причастие превращается в обличение самого священника. Поначалу ему было тяжело и очень стыдно перед своими прихожанами. Хотелось всеми способами избавиться от болящей, но потом понял, что ее присутствие для него – это милость Божия. Бес, пытаясь навредить священнику, сам того не желая, понудил батюшку жить особенно чисто и много молиться.

И снова возвращаюсь к своим мечтам. Мне всегда хотелось иметь отдельное помещение специально для совершения таинства Крещения. В самом храме это делать не всегда удобно. Может, какой человек, имея свободную минутку, хочет зайти в храм, постоять в тишине, помолиться, а вместо тишины вынужден слушать дружный ор младенческого хора. Это и удобно: в малом помещении подтопить можно и чистоту особую соблюсти, водичку в ней на Богоявление освятить. В общем, одни плюсы от такой часовенки.

Поделился своими мыслями с одной знакомой, она работает в строительной организации.

– Посоветуй, к кому обратиться, хотим разработать проект крещальной часовни.

Та переговорила с одним человеком, потом с другим, и постепенно наше желание иметь часовню дошло до Петра Петровича, руководителя небольшой строительной фирмы. Когда он приехал, сам такой видный, высокий, я подумал, что строители хотят заключить с нами договор на строительство, но ошибся. Оказывается, они сами решили построить и подарить нам часовню. Так мечта воплощалась в реальность.

С тех пор Петр Петрович стал нашим другом, но продолжал оставаться человеком мира. Правда, он бывал на церковных службах и научился брать благословение перед сложными деловыми переговорами. Мы служили молебны, и я заметил, что стоит ему помолиться, и все рабочие проблемы у него решаются как-то сами собой, без особого напряжения. А однажды, когда дела на стройке совсем застопорились – смежники поставили бракованное оборудование, – мы прямо на объекте в чистом поле отслужили молебен. И все как-то сразу двинулось с места, и объект сдали в срок. В жизни я встречал только двух человек, которых Господь ведет словно за руку, вразумляя за прегрешения и поощряя в добрых делах. Один из них – Петр Петрович.

Однажды, уже после строительства нашей часовни, ехал он на своем джипе в сторону Москвы. Ехал не спеша и, со-

гласно правилам, по правой полосе. Дорога – четырехполоска, две полосы в его сторону совершенно свободны, сзади и спереди никого. Навстречу по своей половине дороги двигались две большегрузные машины. Одна – по левой стороне, на корпус обгоняя ту, что шла по крайней правой. Неожиданно Петр Петрович обнаружил, что справа по обочине мчится зеленая «девятка». Он замедлил ход, пытаясь пропустить ее вперед, но легковушка почему-то начала выдавливать его джип, подталкивая навстречу первому камазу.

– Я не мог понять, что происходит, – рассказывал потом Петр Петрович. – Зачем эта «девятка» упорно выводит меня на лобовое столкновение с большегрузом? Не знаю, чем бы это для меня закончилось, если бы не увидел широко открытые от ужаса глаза водителя грузовика и сам не захотел бы остаться в живых. Помню только, что закричал: «Помоги, Господи!» – и неосознанно, словно на автопилоте, совершив маневр, остановился на обочине.

После того как мне удалось увернуться, «девятка» сама оказалась на встречной полосе и, миновав первый камаз, влетела под второй, тот, что шел справа. Водитель второго грузовика спокойно вел свою машину, пока непонятно откуда взявшаяся легковушка не влетела ему под кабину и не взорвалась. Бедный человек, с ним случилась истерика. Он кружился рядом с местом аварии и все время повторял:

– Ничего не понимаю, ничего не понимаю!

Каково же было наше удивление, когда год спустя на этом

же месте, только следуя в противоположном направлении, уже навстречу Петру Петровичу, теряет управление такой же тяжелой джип. Видя опасность, наш друг нажимает на педаль газа и почти успевает уйти. Основной удар пришелся на следующий за ним автомобиль. Водители двух столкнувшихся машин погибли.

В тот самый момент секретарша Петра Петровича, рабочее место которой располагается непосредственно возле кабинета шефа, почувствовала запах. Отвратительный смрад шел явно из директорского кабинета. Женщина зашла внутрь и ужаснулась: в кабинете пахло, словно от забытого куска мяса в отключенном холодильнике. Она взяла освежитель воздуха и прошлась с ним по всей комнате. Два сильных резких запаха, витая в воздухе, стали распространяться и по другим кабинетам. Благо у одной верующей сотрудницы оказалось в столе немного святой воды. Она, сообразив, что запах тления не может появиться без причины, окропила помещение, и тот исчез.

После этого случая Петр Петрович круто изменил образ жизни, стал исповедоваться и регулярно причащаться.

* * *

Кстати, о запахах. Умирала мама одной из наших верующих. Человек пожилой, той еще, старой закваски. В свое время много потрудились на общественной работе в профсо-

юзе, старалась помогать людям. Но в церковь никогда не ходила, ограничивалась только освящением куличей. В последний год жизни начала понемногу разворачиваться к Богу, даже вышила для нас большую красивую салфетку. А во время Великого поста согласилась собороваться. Причащаться, правда, побрезговала.

Причащал ее дома, когда она уже не вставала. Исповедалась бабушка как могла. Хотя я еще не встречал человека, который, ранее не бывая в храме, на смертном одре покалется бы по-настоящему. Наконец согласилась причаститься.

Старый человек постепенно угасал, и о ней по просьбе дочери молилось немало людей. Однажды дочь мне звонит:

– Батюшка, где вы? Мне нужно с вами обязательно увидеться.

Договорились о встрече.

– Иду по дому и вдруг чувствую в коридоре отвратительный запах тухлятины, – рассказывает дочь. – Сначала растерялась. Думаю – из-за чего он мог появиться? Зашла в комнату к маме и поняла, что запах идет именно от нее. Только живой человек так пахнуть не может. Подхожу к ней, она лежит и смотрит на меня широко открытыми глазами, и в них страх, мне и самой стало не по себе. Я тогда перекрестилась и стала читать Иисусову молитву. Меня никто этому не учил, само собой в голову пришло. Только запах исчез немедленно, как и появился.

Потом, уже на второй день после смерти мамы, вела ма-

шину и кожей почувствовала: сзади меня сидит что-то большое и страшное. Оно молча требует, чтобы я повернулась и посмотрела на него, а я не могу. Трасса переполнена, обернись я назад – и авария неминуема. Так и продолжаю ехать и слушать, как это нечто дышит мне на ухо. Наконец мой левый поворот, съезжаю на обочину и оборачиваюсь. Сзади, естественно, никого, но, вне сомнения, совсем недавно оно было рядом.

Слушаю ее и думаю: ишь как забеспокоились! Наверняка были уверены, что бабушка принадлежит им полностью и без остатка, а тут на тебе – молитва, Причастие. Вот и засуетились, запугивать начали. Отсюда и запахи, и страхования.

Автомобиль, как средство повышенной опасности, неизменно привлекает внимание аггелов. Поэтому мы их и освящаем. Порой случаются просто анекдотичные истории. Просит меня знакомый владелец большого туристического автобуса освятить ему лобовое стекло.

– Ты понимаешь, это стекло для нас – сущая проблема. Оно такое большое, что если у кого камень из-под колеса вылетит, то уж точно не промахнется.

И он показал, куда в последний раз попал камень и где потом пошла трещина.

– На днях специально в Питер ездил стекло менять. Оно само сорок две тысячи стоит да за работу семь, вот и считай.

Посочувствовав приятелю, я освятил предмет его беспокойства отдельно от всего остального автобуса, даже что-то

пошутил по этому поводу, но святой водичкой полил на совесть. А на следующий день камешек, вылетевший из-под колеса идущего впереди грузовика, разбил лобовое стекло моей машины.

* * *

Приезжает ко мне из столицы женщина. Понятно, не от хорошей жизни. Просто так в нашу тьмутаракань не ездят. Потеряв дорогого человека, она сперва впала в отчаяние, а потом провалилась в депрессию. В таком состоянии люди способны на все. Кто-то посоветовал приехать именно к нам. Потому я и ездил встречать ее на железнодорожную станцию.

Не помню, о чем мы тогда говорили, но, когда отвозил гостью назад на вокзал, понимал: страдать ей придется много, но глупостей она уже не натворит. На светофоре возле церкви, завершая маневр, делаю левый поворот. Передо мной едет другой автомобиль, внезапно он останавливается пропустить пешехода. Соблюдая дистанцию, остановился и я – и немедленно почувствовал удар сзади. В меня въехали akurat напротив входа в церковь.

Выхожу из машины и с грустью смотрю на помятый бампер, рядом на асфальте валяются остатки разбитой фары. Кто бывал в такой ситуации, тот меня поймет. Машина хоть и железная, но привыкаешь и жалеешь ее точно живую. Из

белого «форда» выходит мой «обидчик»:

– Меня зовут Саркис, извини, не хотел. Слушай, дорогой, давай не будем вызывать ГАИ, а? Зачем нам, серьезным людям, вмешивать кого-то в наши дела? Здесь рядом армянская ремонтная мастерская, все расходы беру на себя.

Как ни жаль было мне моего железного «друга», но я, продолжая оставаться священником, должен был, как говорится, стать над «схваткой» и анализировать сложившуюся ситуацию.

У меня в машине сидела женщина, еще совсем недавно стоявшая на грани жизни и смерти. На эту душу уже «положили глаз», но душа уходила из лап. Почему именно этот человек в белом «форде» оказался на этом месте именно в этот час? Может, теперь уже для него наступает «момент истины»? Я допускал, что Саркис, скорее всего, меня обманет, но то был его шанс, и он должен был его использовать.

– Согласен, только, ты видишь, я священник и мы с тобою стоим возле храма. Сдержи слово, очень тебя об этом прошу.

Что я еще мог ему сказать? В ответ он, перекрестившись слева направо, торжественно подтвердил:

– Клянусь, Бог мне свидетель!

После таких слов судьба водителя белого «форда» оказалась полностью в его же собственных руках.

Мы немедленно проехали в мастерскую, где молодой парень, тоже армянин, осмотрев повреждения моего автомобиля, что-то говорил Саркису на армянском. Тот стоял и ки-

вал головой в знак согласия. Потом Георгий, так звали ремонтника, договорился уже со мной о дне, когда мне нужно будет приехать, и мы расстались.

– А фару ты купи на свои деньги, Георгий ее тоже поставит, а я по счету оплачу твои расходы, – добавил Саркис. Он уже готов был отъехать, но потом вдруг вышел из машины, вернулся и пожал мне руку: – Надо же, ты поверил мне на слово. Спасибо, брат.

У меня на душе просветлело и появилась надежда, что и эта история будет иметь благополучный конец.

В назначенный день молодой человек отремонтировал мою машину, поставил новую фару и позвонил Саркису. Они снова говорили по-армянски, но я понял, что Георгий, периодически бросая на меня виноватые взгляды, о чем-то просит собеседника, а тот с ним не соглашается и кладет трубку. Потом парень трет переносицу и объясняет:

– Ладно, мои дела с Саркисом тебя не касаются, а за фару он тебе денег не отдаст.

– Почему? Разве он беден?

Георгий пожимает плечами:

– В том-то и дело, что нет. У человека свое кафе, большой магазин, несколько строительных бригад. Не понимаю, зачем тогда клясться.

Прошел год, звонит мне Георгий – тот самый автослесарь. И просит окрестить его сына.

Неделю спустя мы крестили маленького сынишку Георг-

гия, и он спросил:

– Ты помнишь Саркиса?

– Конечно, но ничего о нем не знаю.

– За год он потерял все – и кафе, и магазин, и строительные бригады. Сейчас таксует на той машине, в которой в тебя въехал. И все из-за того, что польстился на какую-то мелочь.

Я уже думал, как бы ему объяснить, что происходит с нашим общим знакомым, но Георгий меня опередил:

– Потому что в мире есть что-то важнее денег. И это «что-то» – Бог.

Я удивился:

– Георгий, ты действительно так думаешь?

– Если бы так не думал, то не пришел бы к тебе. Спасибо Саркису, это он меня научил.

На днях ложусь спать, устраиваюсь поудобнее и, перед тем как заснуть, по привычке думаю: «Вот бы...» А мечтать-то и не о чем. Вспоминаю, о чем мечтал раньше. Все или исполнилось, или уже перестало быть насущным.

Говорят, если перестаешь мечтать, значит ты уже безнадежный старик. Нет-нет, мне еще рано записываться в старики и я обязательно помечтаю. О чем? О том, чтобы снова пришли мечты.

«Не клонись-ка ты, головушка...»

У каждого уважающего себя писателя обязательно должен быть рассказ о сумасшедшем, причем желательно написанный от лица самого душевнобольного. Что-то наподобие голевских «Записок сумасшедшего». Поскольку к писателям себя причислять не решаюсь, но себя все-таки уважаю, потому и дерзаю в подражание великим продолжить эту немного странную и очень трудную тему, пытаюсь взглянуть на мир людей здоровых глазами человека болящего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.